

Враг будет разбит,
победа будет за нами!

общероссийская политическая газета
издается с 25 сентября 2012 г.

Суть времени

www.eot.su

Подписаться на газету можно в ближайшей местной ячейке Движения «Суть времени»
Задать вопросы и узнать контакт ближайшей местной ячейки Движения можно
по телефону 8-800-100-97-24 (звонок по России бесплатный), podpiska@eot.su

27 июля 2016 г.

№ 188

Четвертый этаж (окончание). Мост через пропасть

Доклад на Летней школе движения «Суть времени».
Александровское, 11 июля 2016 года

Все мы прекрасно понимаем, что по некоторым своим характеристикам движение «Суть времени» превосходит все общественно-политические движения России, да и не только России.

Я не собираюсь здесь всё это обсуждать подробно. Но мне бы не хотелось, чтобы некоторые на самом деле абсолютно уникальные черты нашего движения воспринимались собравшимися по принципу «само собой разумеется».

Нет ничего «само собой разумеющегося» в том, что представляет собой эта Летняя школа. Я имею в виду даже простейшие вещи: ни у одного общественно-политического движения в России нет такого летнего лагеря. Если кто-то хочет это оспорить, пусть назовет, у какого общественно-политического движения России есть лагерь такого качества, с таким числом участников, в такой степени сплоченных, культурных, способных к ответственному поведению, заинтересованных в содержании и так далее.

Власть создала летнюю школу и даже назвала ее — уже после создания Школы Высших Смыслов — не абы как, а «Территорией смыслов». Но, во-первых, территория есть, а со смыслами не ахти. А, во-вторых, это — власть. Ее возможности по определению не сопоставимы с возможностями какого бы то ни было общественно-политического движения. Кстати, «Территория смыслов» была создана уже после того, как были опубликованы фотографии, на которых показан наш лагерь. Так что одинаковость палаток в двух лагерях тоже не вполне случайна. Но, повторю, это — власть. Мы ее даже обсуждать не будем.

А вот что происходит во вневластной среде, пусть сколь угодно, в отличие от нас, подпитываемой ресурсами? Там ничего сопоставимого не происходит. Но даже если бы что-то и происходило, уже совсем очевидно, что ни у одного общественно-политического движения в России, включая провластные, и почти ни у одного общественно-политического движения в мире нет такого поселения, как Александровская слобода. Есть коммуны, но они как бы сами по себе. А здесь речь идет о базе, созданной для функционирования и развития нашего движения. Ни одно движение не создало Школы Высших Смыслов и не написало учебники, не создало кафедры, не развернуло регулярный процесс обучения членов движения.

Когда затевался процесс с газетой, многие пожимали плечами и говорили, что все скоро кончится. Уже вышел 185-й номер газеты. У какого действующего общественно-политического движения есть газета?

По инерции функционируют остатки советской системы у Зюганова. Но мы знаем, что это за остатки. Газета «Завтра» не интегрирована в какое-либо движение. Назовите мне другие издаваемые патриотические газеты. Где газеты вообще и где газеты, интегрированные в патриотические движения, причем газеты со своим оригинальным лицом?

Много ли движений, сочетающих все это с активной работой в поле, на пикетах, на митингах и так далее? Мы же знаем, что таких движений фактически нет. Они либо страшно коммерциализованы, либо очень уж малочисленны — если, конечно, ориентироваться на факты, а не на заявления их представителей.

Какие общественно-политические движения проводят опросы? Сочетают свою деятельность с выставками и всем прочим?

Ну и, наконец, Донецк. Одно дело — что-то сделать сгоряча, а другое дело — выдерживать там стайерскую дистанцию.

Я могу сказать и больше. Но не буду, потому что между этими достижениями и реальным осуществлением того, что нами заявлено, — пропасть.

Как построить мост через нее — вот всё, что важно для нас.

И, в общем-то, понятно, как. Решившие выполнить то, на что мы замахнулись, должны быть очень сильными людьми. Не просто сильными, а очень сильными. Беспрецедентно сильными. У этой силы — а речь идет не о мышцах и не об элементарном напоре — есть своя специфика. Попросту говоря, для того чтобы быть сильным, нужно быть. А для того чтобы быть, нужно иметь нечто, именуемое оформленными, накаленными, масштабными смыслами.

Я уже начал разговор о том, что такие смыслы должны находиться на некоем «четвертом этаже» и быть способными к приему очень специфических импульсов. Здесь я этот разговор завершу, потому что он носит принципиальный характер. Но пока что мне хочется оговорить главное. Что нельзя быть, не обладая накаленными, структурированными, масштабными смыслами, способными собирать энергию и по определенным каналам, которые тоже должны быть в надлежащем состоянии, передавать эту энергию всему человеческому естеству.

Человек не может стать сильным или быть сильным, если его нет. И человека не может быть, если у него нет определенных смыслов, определенным образом организованных и определенным образом размещенных внутри его человечности.

Теперь о силе. Если человек силен, то он может все. Он может направить свою силу — не мышечную, а сущностную — на решение любой задачи. Если он сильный человек, то он захочет и решит задачу физического саморазвития, культурного саморазвития, политического саморазвития, он справится с болезнями, найдет работу, решит семейные проблемы. И вместе с другими — такими же сильными, как

он, — он решит проблемы, масштаб которых не предполагает индивидуальных решений.

К числу таких проблем относится то, на что мы замахнулись. Тут уж, воистину, «человек один не может ни черта».

Если человек силен, он перелопатит себя, он справится со своими слабостями. Он вступит в прочные отношения с другими людьми.

Соответственно, нашим противникам нужно, чтобы всё, находящееся на атакуемой ими территории под названием «Россия», было проникнуто слабостью. Чтобы люди боялись потерять работу, потому что они слабые и не смогут ее найти. Боялись долговременных мощных напряжений, потому что они слабые и понимают, что им это не по силам. Боялись бы бандитов, потому что бандиты сильные. Боялись бы тех, кто находится выше них на ступенях социальной иерархии, потому что они слабые и не могут отстоять себя. Ну и, конечно, боялись бы чужой силы — американской или иной. Если эта сила нагрянет, то боялись бы дать ей отпор. Вообще, противнику нужны люди, которые бы боялись всего на свете, были бы не уверены в себе и пестовали свою слабость — главный источник страха и неуверенности.

Три завоевания, без которых мы не решим свои задачи, таковы:

Первое, что надо завоевать, — это смысл. То есть бытие. Причем такой смысл, который в тебе размещен, с тобою слит во едино, обладает и масштабом, и накаленностью.

Второе, что надо завоевать, — это сила. Сила сущностная, связанная со смыслом. Здесь собрались не слабые люди, но не надо говорить, что они это уже завоевали. Они могут это завоевать, а могут и не завоевать. Цена неспособности завоевать необходимую силу слишком велика.

Продолжение на стр. 2

ISSN 2500-0330

9 772500 033000

1 6 1 8 8

>

МЕТАФИЗИЧЕСКАЯ ВОЙНА

Продолжение. Начало — на стр. 1

И потому мы не можем уклоняться от того, чтобы обсуждать необходимость второго завоевания и все проблемы, которые стоят на пути его осуществления.

Третье, что надо завоевать, — это компетентность. Или, точнее, — компетенции. Это нельзя завоевать, не завоевав бытие и силу. Но без компетенций никакая сила и никакая бытийственность не обеспечат реализацию того, о чем мы мечтаем. Используя сухое слово «компетенции», я вкладываю в него гораздо больше, чем вкладывают обычно. А использую я именно это слово потому, что не хочу использовать другие, более романтические и неопределенные слова.

Социальная компетентность — это способность строить братские отношения со своими товарищами, это способность притягивать к себе тех, кто завтра станут твоими товарищами, это способность убеждать, варьировать отношения в зависимости от того, с кем ты их строишь, и так далее.

Культурная компетентность, интеллектуальная компетентность, военно-спортивная компетентность, духовная компетентность... Мало ли еще тех компетенций, которые надо завоевать и которые может завоевать только сущностно сильный человек, обладающий полнотой бытия, даруемой только высшими, накаленными смыслами, с которыми он слит воедино.

Мост через пропасть между осуществлением нашего большого проекта и нами называется «ССК»: — **Смысл, Сила и Компетентность.**

В своем докладе я буду обсуждать, как именно выстроить этот мост.

I

Чем отличается движение «Суть времени» от всех тех, кто так же, как и мы, убежден в величии и благодати советского Красного проекта, в величии и благодати Союза Советских Социалистических Республик?

Прежде чем ответить на этот очень непростой и принципиально важный идеологический вопрос, надо оговорить очевидное.

К разряду очевидного относится то, что далеко не все политические силы — хуже или лучше организованные, более или менее активно участвующие в воздействии на нынешние общественные процессы — убеждены в величии и благодати СССР. И уж тем более — в величии и благодати советского Красного проекта.

Силы, убежденные и в том, и в другом, и превращающие эту свою убежденность в воздействие на общественные процессы, очень немногочисленны. Но с декларативно-формальной точки зрения несколько таких сил все-таки есть.

Чуть позже я обсужу их качество. И сильно скорректирую это свое утверждение по поводу их наличия в реальности. Но и сейчас я говорю о том, что такие силы существуют в качестве неких более или менее развернутых деклараций. Существуют ли они в реальности и в чем содержание этого их реального существования, надо обсуждать особо. Но есть несколько сил, более или менее развернуто, грубо или тонко **декларирующих** свое позитивное отношение к СССР и Красному проекту. Для начала не будем обсуждать, каково их внедекларативное содержание. Скажем только, что и они декларируют позитивное отношение к СССР и коммунизму, и мы декларируем такое же отношение. Так чем мы отличаемся от них уже на уровне деклараций? Чем мы на уровне деклараций, а не на уровне деятельности, отличаемся от Зюганова, Тюлькина, других просоветских и прокоммунистических сил? Отличаемся ли мы от них только сложностью своих декларативных построений (в конце концов, и «Манифест коммунистической партии», и «Капитал» Маркса — это тоже

декларативные построения), или же между нами и всеми этими силами уже на уровне деклараций есть внятное и, я бы даже сказал, вопиющее отличие, очевидное для каждого, кто хочет разобраться по существу?

Я считаю, что такое простое, внятное, вопиющее, очевидное фундаментальное отличие между нашими декларациями и декларациями всех других просоветских и прокоммунистических сил существует. И предлагаю обсудить, в чем именно состоит фундаментальное содержание этого фундаментального же отличия.

II

На самом деле отличий много. Каждый из сидящих в этом зале, я уверен, назовет несколько отличий из разряда тех, о которых я говорю. Но я хочу здесь обсуждать только самое фундаментальное из этих отличий. В чем же оно?

В том, что все, кроме нас, обсуждают губительный крах СССР и советского коммунизма по принципу «они виновны в том, что этот крах состоялся», и только мы обсуждаем этот крах по-другому. И тут же оказывается, что между нами и другими обсуждающими этот крах просоветскими и прокоммунистическими силами — пропасть.

Другие просоветские и прокоммунистические силы могут обвинять в крахе СССР и советского коммунизма таких «они», как:

- мировой империализм;
- американский империализм;
- коварный и смердящий западный мир;
- западные спецслужбы, прежде всего ЦРУ;
- антисоветски настроенные группы советских граждан (диссидентов, диссидентствующую интеллигенцию);
- этнические меньшинства.

И мало ли кого еще. Иногда упоминается предательская пятая колонна, состоящая из завербованных или разложившихся представителей советской номенклатуры, иногда всё сводится к предателю Горбачеву или ряду предателей.

Самых экзотических «они», обвиняемых в гибели СССР и коммунизма, я специально не называю, дабы не оглуплять декларации тех просоветских и прокоммунистических сил, с которыми мы фундаментально расходимся в оценке субъекта, по-настоящему виновного в гибели СССР и коммунизма. Потому что для меня важнее всего провести водораздел между теми, кто говорит о гибели здорового коммунистического организма, зараженного разного рода вирусами (смысловыми, культурными, идеологическими), запущенными врагом, отравленного разного рода ядами (антисистемными социальными антителами), и теми, кто говорит совсем о другом. Совсем о другом говорим только мы. Все остальные говорят, что такие-то «они» всё разрушили, что такие-то «они» и только «они» виноваты в произошедшем ужасном и губительном крахе. Что виноваты в этом «они» и только «они».

Вели ли подрывную работу против СССР и советского Красного проекта мировой капитализм, американский империализм, враждебный Запад, западные спецслужбы, диссиденты, «отказанты», «уезжанты», ненавистники, забившиеся в разного рода норы, завербованные или незавербованные иноземцами стухшие номенклатурщики? Да, все эти силы были, и все они внесли свою лепту, большую или меньшую, в распад СССР. В этом мы согласны со всеми, кто, как и мы, скорбит о крахе коммунизма и СССР, но, в отличие от нас, всё сводит к губительной роли разного рода «они». Мы категорически отказываемся всё сводить к их роли. Мы эту

роль не отрицаем. Но мы считаем, что всё сводить к этому можно, только впад в состояние глубокой неадекватности.

Мы единственные, кто утверждает, что при наличии всех злых деструктивных сил, которые я перечислил выше, вина за крах советского коммунистического проекта и СССР может лежать по определению только на советской власти, советском обществе и советской идеологии в том ее реальном воплощении, которое было сооружено властью.

За крах Российской империи отвечает царь Николай II и правящий класс империи: дворянство, аристократия, чиновничество.

За крах СССР могут отвечать только глава советского государства и правящая партия, руководящая и направляющая роль которой была записана в советской Конституции (в ее шестой статье).

III

Тем, кто не помнит, напомню, что шестая статья советской Конституции 1977 года гласила:

«Руководящей и направляющей силой советского общества, ядром его политической системы, государственных и общественных организаций является Коммунистическая партия Советского Союза. КПСС существует для народа и служит народу. Вооруженная марксистско-ленинским учением, Коммунистическая партия определяет генеральную перспективу развития общества, линии внутренней и внешней политики СССР, руководит великой созидательной деятельностью советского народа, придает планомерный научно обоснованный характер его борьбе за победу коммунизма. Все партийные организации действуют в рамках Конституции СССР».

Эта статья была отменена 14 марта 1990 года Съездом народных депутатов СССР, большинство делегатов которого были членами КПСС и номенклатурными работниками. Съезд принял закон «Об учреждении поста Президента СССР и внесении изменений и дополнений в Конституцию (Основной Закон) СССР». Съезд сделал это после того как 5 февраля 1990 года расширенный пленум ЦК КПСС проголосовал за отмену 6-й статьи Конституции СССР.

О необходимости этой отмены на пленуме заявил генеральный секретарь ЦК КПСС Михаил Горбачев, но сводить всё к его и впрямь зловещей роли бессмысленно. Потому что все делегаты пленума ЦК КПСС, то есть вся советская номенклатура, единогласно проголосовали за такое уничтожение своей политической роли, а значит, и за демонтаж советского проекта, крах СССР и так далее.

Из стенограммы заседания Пленума ЦК КПСС 7 февраля 1990 года:

«Горбачев М. С.: Кто за то, чтобы остановиться на этом документе со всеми дополнениями, которые внесены? Прошу опустить руку. Против? Воздержался?»

«Вы против или воздерживаетесь?»
Фесенко К. Г.: Воздерживаюсь. Я не знаю, как будут учтены мои поправки.

Горбачев М. С.: Итак, один против, один воздержался. Документ принимается. И поддерживается (Аплодисменты.)».

Перед этим на Съезде народных депутатов СССР 60% делегатов высказались против пересмотра 6-й и дополняющей ее 7-й статей Конституции СССР.

После этого собрался обсуждаемый нами пленум ЦК КПСС, пленум принял новую платформу, согласно которой именно КПСС вносит на Съезд народных депутатов предложение об отмене 6-й статьи Конституции.

После этого Съезд был парализован. И парализовал его именно расширенный пленум ЦК КПСС, то есть собрание всей партийной номенклатуры, проголосовавшей за навязанное ему Горбачевым убийство партии, СССР и коммунизма. Понятно, чего добивался предатель Горбачев. Но можно ли сказать, что он является единственным виновником произошедшего? А пленум, который поддержал очевидное по своей разрушительности решение, за это не отвечает? А партия, которая направляла своих делегатов на этот пленум, не могла протранслировать им общую партийную позицию, обязать их вести себя соответственно этой позиции?

Всё началось штурмом Зимнего в октябре 1917 года и закончилось таким вот голосованием. Это был бесславный, вялый, глупый конец великого начинания, с которым были связаны колоссальные надежды, на алтарь которого были принесены колоссальные жертвы.

И вряд ли существуют в истории другие начинания, соразмерные по начальному величию и конечной позорности.

IV

Я привел лишь один пример, доказывающий невозможность снять вину за развал СССР и крах советского коммунистического проекта с КПСС и конкретного огромного сообщества ее высших представителей, собравшихся на обсуждаемый мною пленум. Таких примеров можно привести очень много.

Почему на XXVIII съезде КПСС, проходившем в Москве со 2 июля 1990 года, депутаты не сняли Горбачева с поста Генерального секретаря? Ведь всем им была ясна разрушительная роль этого предателя. Но партия в лице ее Верховного органа — Съезда — в этот решающий момент не сняла Горбачева, то есть косвенно, да и не только косвенно поддержала его разрушительный курс. И что же, она не должна отвечать за это? Она и ее прямые наследники по прошествии времени должны заявлять, что чудовищный крах советского проекта и коммунизма обеспечили некие «они», а «мы тут ни при чем»?

Под руководством КПСС и ее предшественниц: РСДРП(б), РКП(б), ВКП(б) — совершались великие деяния и укреплялись советский Красный проект, советское коммунистическое государство.

Под этим же руководством был осуществлен демонтаж СССР и советского Красного проекта. Вина в этом демонтаже не на Горбачеве лично, хотя и его предательская роль ясна, не на группе завербованных изменников, а на **правлящей партии и ее высших органах — съездах, пленумах.** Любой другой подход фундаментально нечестен. Но и это еще не всё.

V

Никакая партия, сколь бы она ни переродилась, не может обрушить великое государство, общественно-политический строй, всю систему жизни, если этому активно сопротивляется общество.

Общество активно не сопротивлялось преступлению, совершаемому правящей партией и поддерживаемому всей советской элитой.

Оно не сопротивлялось активно этому до разрушения СССР.

Оно, имея еще одну возможность оказать сопротивление в 1993 году, не сопротивлялось этому и тогда. Даже тогда — уже будучи погруженным в унижительность гайдаровских реформ, будучи вынужденным в большинстве своем

МЕТАФИЗИЧЕСКАЯ ВОЙНА

чуть ли не копать в помойках — общество не оказало активного сопротивления ельцинизму, имея для этого все возможности. И обычные электоральные — при другом результате голосования на всероссийском референдуме 25 апреля 1993 года, вошедшем в историю под названием «Да — да — нет — да», на котором за доверие Ельцину проголосовало 58,7%, ельцинизм был бы сокрушен, и другие.

Достаточно было четверти миллиона на любой демонстрации в поддержку разгоняемого Верховного Совета РСФСР и Съезда народных депутатов РСФСР — и ельцинизм опять-таки был бы сокрушен.

Может ли общество, которому был наглядно явлен в 1993 году преступный и беспощадно антиобщественный характер ельцинизма, вообще не отвечать за то, что оно не поддержало тех, кто законным образом хотел спасти общество от пожирания ельцинизмом?

Мне скажут, что на Всесоюзном референдуме о сохранении СССР, состоявшемся 17 марта 1991 года, 77,8 процента выступили за сохранение СССР. Но это и есть пассивная поддержка. Она в 1991 году еще была, а в 1993 и она исчезла вопреки очевидной антинародности ельцинского курса.

Ельцин пообещал народу построить капитализм за 5 лет, народ это поддержал, пусть и пассивно. Он поддержал даже незаконные действия по разгону высшего органа представительной власти. Он много что поддержал, и это нельзя трактовать иначе как желание вкусить от потребительских радостей, даруемых капиталистическим обществом.

VI

Мы — единственные, кто прямо и категорически говорит и об этом, и о проекте элиты КГБ по разрушению СССР ради вхождения капиталистической России в Европу с вытеснением из Европы США. В любом случае мы говорим о том, что нельзя снять вину за развал СССР и с правящей партии и советской элиты в целом, сумевшей усилить свою позицию описанным мною выше минимумом общественной поддержки, и с общества, которое а) оказало эту минимальную поддержку и б) не оказало того активного сопротивления творимому элитой преступлению, которое только и могло спасти советский Красный проект и Советское государство.

Будучи единственными из любящих и отстаивающих этот проект, кто не хочет перекладывать ответственность за его обрушение на некие внешние силы, очевидным образом участвовавшие в его разрушении, единственными, говорящими об ответственности всей советской элиты и всего общества, мы являемся единственными, кто добавляет к этому нечто еще более фундаментальное.

VII

Это фундаментальное — идеологическая и стратегическая ответственность за чудовищную катастрофу. Ответственны не только люди, ответственны ошибки в самом проекте, причем ошибки принципиальные. Дело не в ошибочности, породившей слишком жесткую конструкцию, говорим мы. Дело в ошибочности, породившей быстрое остывание идеологии. Построенная идеология позволяла совершать чудеса на коротких временных интервалах, и она оказалась абсолютно выдохшейся на интервале в 70 лет.

Сказав о благодати советского Красного проекта и Советского государства и добавив к этому принципиальную ответственность за крах, лежащую на Коммунистической партии Советского Союза, советской правящей элите и советском обществе, которое к моменту краха ста-

ло обществом существенно мещанским, обществом «ням-ням»... Добавив к этому ответственность за идеологическую неполноту проекта, приведшую к его остыванию, в свою очередь породившему мещанское «ням-ням», мы тем самым говорим и о вине, и о ее искуплении — это очень важное слово, — и о необходимости одновременно почитать советское наследие, видя в нем фактор будущего, и это наследие существенно преобразовывать.

Но хозяева капиталистической формации повели себя как сплоченное сообщество, обладающее и незаурядным умом, и огромной силой воли. Ум и воля этого сплоченного сообщества, помноженные на стремительно растущие технологические возможности, позволили хозяевам капиталистической формации выступить в качестве начала, обладающего достаточной мощью для того, чтобы вступить в бой с самой Историей.

жав в этой войне как минимум очень крупную, а возможно, и решающую победу.

Внутри капитализма, как и любой другой формации, существовало определенное историческое, то есть гуманистическое содержание. Ведь никто же не будет отрицать, что великая литература XIX века, великое искусство XIX века, великая наука XIX века и, наконец, великая заявка на вселикие человечества, овладевшего научно-техническим потенциалом, являются плодами и завоеваниями нормального гуманистического капитализма, обладающего и исторической направленностью, и гуманистическими ценностями.

Кстати, если бы капитализм не подарил миру новую науку, новую технику и связанное с ними представление о всемогуществе человека, восходящего по лестнице научно-технического и иного прогресса, то не было бы марксизма. И пролетариата, на который марксизм возложил миссию спасения человечества, тоже бы не было. И не было бы рациональной, да и моральной критики рационализма, потому что такие виды критики были рождены внутри самого капитализма.

Вспомним, что Маркс говорил о том, как «оружие критики» постепенно становится «критикой оружием». «Критика оружием», то есть революция, опирающаяся на определенный уровень образованности масс и способности к организованному поведению, — всё это родилось в рамках того же капитализма. Недаром Маркс говорил, что капитализм его времени сам создает своего могильщика в виде пролетариата — организованной, обученной и сплоченной капиталом мощной человеческой массы.

Одним словом, существовал капитализм, проанализированный Марксом, и тот капитализм обладал гуманистическим потенциалом. У того капитализма была тень в виде двойника, лишенного гуманистического потенциала. Маркс ощущал эту слабую тень, но он не думал, что гуманистический капитализм согласится на союз с этой тенью, на капитуляцию перед ней, на фактическую передачу власти самым мрачным докапиталистическим антигуманистическим силам реакции, способным расправиться с гуманистическим капитализмом гораздо более жестоко, чем пролетариат, которого капитализм объявил своим главным врагом.

Маркс верил в прочность связей капитализма с идеями Великой французской буржуазной революции. И, будучи человеком своего времени, он имел основания верить в это. Но время стремительно менялось, никогда оно не менялось так стремительно, как в XX веке. Тень капитализма крепла и оформлялась, питаясь капиталистическими страхами перед пролетариатом и коммунистической революцией. Гуманистический капитализм капитулировал перед этой тенью. Возникло то, что можно называть начисто дегуманизированным капитализмом, а можно — просто нацизмом или неонацизмом.

Позорная капитуляция КПСС и крах великого советского проекта стали триумфом не капитализма вообще, не империализма или ультраимпериализма, а капитализма, изъясившего из самого себя всё собственно гуманистическое содержание и заменившего его содержанием, неслыханным по своей антигуманности, своей враждебности самой идее человеческого развития.

Продолжение на стр. 4

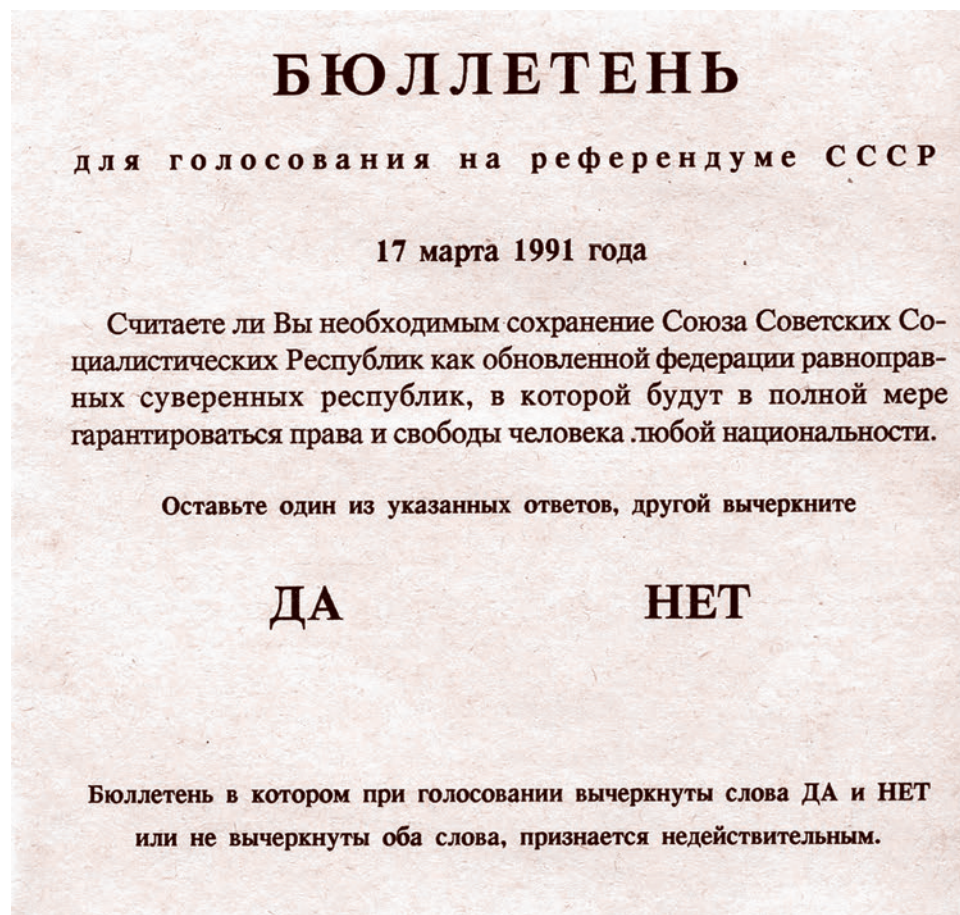

Рис. 1. Бюллетень Референдума о сохранении СССР. 17 марта 1991 года

Рис. 2. Референдум 1993 года

VIII

Вполне естественно возникает вопрос о том, зачем связывать какие-то надежды с проектом, который так бесславно закончился.

Осуществляя беспрецедентную по накалу страсти и рациональной глубине критику капитализма, Карл Маркс настаивал на том, что противоречия, которые он сумел обнаружить внутри исследуемой им капиталистической формации, неминуемо обрушат эту формацию и приведут ей на смену формацию коммунистическую. Возможно, это бы и случилось, если бы те, кто был заинтересован в сохранении капитализма, вели себя как атомы, молекулы, живые существа или даже растерянные индивидуумы, сидящие на пороховой бочке и ждущие, когда она взорвется.

В конце XIX и в начале XX века у хозяев капиталистической формации еще не было таких возможностей. Они появились вместе с ядерным оружием, новыми средствами массовой коммуникации, новыми технологиями управления сознанием, новыми технологиями производства идей и вещей и т. п.

Став сначала империализмом, потом ультраимпериализмом, потом финансовым глобализмом и потом — финансовым обществом, производящим с помощью средств массовой коммуникации постчеловеческий пластичный материал, капитализм выжил.

Он выжил, осознав правоту Маркса, утверждавшего, что в рамках исторического процесса капитализм обречен. Он выжил, выйдя за рамки исторического процесса, бросив вызов этому процессу, объявив ему войну на уничтожение и одер-

МЕТАФИЗИЧЕСКАЯ ВОЙНА

Продолжение. Начало — на стр. 1–3

Именно этот капитализм оказался собственником всей мировой системы после позорной капитуляции КПСС и краха великого советского проекта. Окончательный триумф такого капитализма не имеет ничего общего с триумфом капитализма как такового.

Спору нет, любой капитализм, удерживая свои позиции внутри исторического процесса, рано или поздно превратится в настоящего врага человечества и человечности.

В сущности, в этом и состоит главное открытие Маркса. Но одно дело — триумф капитализма, обладающего гуманистическим потенциалом, медленное угасание этого потенциала и рост потенциала новых исторических сил, приходящих на смену капитализму.

И совсем другое дело — стремительная дегуманизация капитализма, овладевшего способностью подменять человечество его суррогатом — человекоподобными потребителями, тупыми, хищными, жалкими, жестокими, слабыми и не желающими развития.

Именно с такой стремительной дегуманизацией капитализма мы имеем дело сейчас, позорный крах советского проекта сдал в руки такого капитализма всё человечество, надеявшееся на коммунизм. Делегировав все свои надежды коммунизму, человечество оказалось бессильно перед лицом беспрецедентно жестокого и мощного врага — стопроцентного врага человека и человечности.

IX

Какое-то время еще продлится борьба остатков гуманистического капитализма с капитализмом, окончательно дегуманизированным. Именно такая борьба является содержанием современной эпохи. Это содержание может скрываться под разными масками — например, под маской борьбы национального суверенного буржуазного государства с так называемым глобализмом.

Нельзя не участвовать в этой борьбе и нужно понимать, на чьей стороне бороться. Но нужно понимать и другое — силы и исторические возможности у гуманистического капитализма на исходе. Он высосан и искалечен своей антигуманистической Тенью. А значит, либо коммунизм вернется на историческую сцену, либо наступит беспросветная ночь глобальной предельно антигуманистической капиталистической диктатуры, направленной на истребление человечества. И чреватой неслыханной несвободой.

Возвращение коммунизма не может состояться без осмысления, отстаивания и преобразования великого советского наследия. Именно поэтому оно принадлежит будущему.

И именно поэтому

наша фундаментальная оценка советского проекта состоит в том, что он является **БЛАГИМ, ВЕЛИКИМ и УЩЕРБНЫМ** одновременно.

Подчеркну еще раз, что имеет место не «либо-либо» (либо благой и великий, либо ущербный), а «и-и» (и благой, и великий, и ущербный).

Мы не понимаем, как после того, что произошло, отдельные люди и политические структуры, всерьез связавшие свои надежды с обновленным советским будущим и верящие в величие и благодать советского прошлого, могут давать другую оценку советскому проекту, но ведь дают! Все оставшиеся просоветские силы дают именно другую, «они-центричную» оценку. То есть оценку, абсолютизирующую роль ужасных сторонних сил в гибели Советского Союза и коммунизма и выводящую из-под удара

основных виновников этой гибели. Почему все просоветские и прокоммунистические силы, кроме «Сути времени», осуществляют такое губительное, страусиное, неумное, бесперспективное выведение за скобки вины КПСС, омещаненных не без ее помощи широких масс, деформированной не без ее помощи идеологии и внутренних непрозрачных спецэлит, пытавшихся обменять — с легкой руки Юрия Владимировича Андропова, но и не только его, — сдачу коммунизма на получение места в западной цивилизации?

Видимо, отказ от того, что я назвал «они-центризмом», слишком болезнен.

Видимо, никто, кроме нас, не желает обременять себя страданием по поводу неслыханной униженности конца исторического советско-коммунистического проекта. Никто, кроме нас, не желает страдать по-настоящему произошедший кошмар и осознать всю его глубину, постыдность и фундаментальность. «Слишком больно, слишком стыдно, слишком легко рухнуть под ударом этой боли и стыда», — говорят самим себе другие сторонники СССР и коммунизма.

Мы же говорим: это надо выстрадать. Надо вынести удар такого страдания и не сломаться. Ибо тяжкий млат, дробя стекло, кует булат. Вспомним эти пушкинские строки из «Полтавы», в которых говорится о стекле и млате. И заучим их назизусть.

*Была та смутная пора,
Когда Россия молодая,
В бореньях силы напрягая,
Мужала с гением Петра.
Суровый был в науке славя
Ей дан учитель: не один
Урок нежданый и кровавый
Задал ей шведский паладин.
Но в искушеньях долгой кары,
Перетерев судьбы удары,
Окрепла Русь. Так тяжкий млат,
Дробя стекло, кует булат.*

X

Вдумаемся: жила-была КПСС. Была она могучей и волевой. А потом ее просто не стало. Ее никто не расстреливал, не терзал, не бомбил, не гноил в концлагерях. Она, уходя, не дала настоящего боя. Белогвардейцы — и те дали бой в Гражданскую войну. А КПСС ушла без боя, тихо, как говорят в таких случаях, по-английски. Она загадочно растворилась, отдав человечество на растерзание самым антигуманистическим из всех сил, которые его терзали когда-либо. И что сие означает? Как к этому относиться?

Можно ли это для начала просто не зафиксировать? Не сделать отправной точкой любого дальнейшего серьезного просоветского политического движения, краеугольным камнем любой строящейся серьезной просоветской политической структуры? Казалось бы, возможно только такое движение новых просоветских сил, такой принцип построения новых просоветских структур. Но всерьез этот принцип берем на вооружение только мы, движение «Суть времени». И в этом наше фундаментальное отличие от всех других просоветских политических движений, которые, загоняя себя в рамки «они-центричных» деклараций, отказываются от возможности перейти из пространства деклараций в пространство реальности. Отказавшись от такого перехода, они теряют возможность неформального бытия. И в итоге либо превращаются в зловещую самопародию, как КППФ, либо рассыпаются в пыль и прах, как разного рода леваческие движения.

Признав это, мы должны признать далее и нечто, требующее от нас предельной и даже запредельной ответственности — политической, экзистенциальной и даже метафизической.

XI

У известного советского поэта Самуила Яковлевича Маршака, сочинившего много детских стихов, но писавшего и для взрослых тоже, есть такое четверостишие:

*— О чем твои стихи? — Не знаю, брат.
Ты их прочти, коли придет охота.
Стихи живые сами говорят,
И не о чем-то говорят, а что-то.*

Есть стихотворение Федора Ивановича Тютчева, относящееся к числу таких живых стихов. Это стихотворение о декабристах, но для меня лично оно является не стихотворением «о чем-то» — например, о декабристах, а стихотворением, в котором сказано «что-то». То есть дан очень важный образ, плывущий, как драгоценная щепка, в водах невыразимого.

Вот фрагмент этого стихотворения. Оно называется «14-е декабря 1825».

*О жертвы мысли безрассудной,
Вы уповали, может быть,
Что станет вашей крови скудной,
Чтоб вечный полюс растопить!
Едва, дымясь, она сверкнула
На вековой громаде льдов,
Зима железная дохнула —
И не осталось и следов.*

Если говорить о важном образе, то для меня он весь укладывается в строчку «И не осталось и следов». А если говорить не об образе, а о тех водах, в которых он плывет, то тут слова бессильны. Кто-то что-то схватывает, а кто-то не схватывает.

Итак, поговорим об образе. И не в связи с декабристами, которым посвящено стихотворение. Ленин, например, считал, что декабристы разбудили Герцена, так что тютчевское «и не осталось и следов» к ним прямого отношения не имеет. Это если верить Ленину, что о-го-го какие следы остались. Я не о декабристах, я о другом.

XII

В 1917 году вдруг полыхнуло какое-то огромное пламя любви, надежды, веры, ощущения спасительной новизны. Оно называлось коммунистической революцией в России или Великой Октябрьской социалистической революцией.

Пламя этой революции зажгло мировой пожар. Он полыхал большую часть XX века, творя огромные по жестокости и невероятные по своей спасительности чудеса — такие, как победа над Гитлером. Ради того, чтобы это пламя спасительно полыхало, были принесены огромные жертвы: погибли десятки миллионов людей — если брать в расчет не только Гражданскую войну в России, но и другие гражданские войны — такие, как испанская. А если учитывать гражданские войны во Вьетнаме, в Корее, а главное — в Китае, то, может быть, на этот Красный алтарь было принесено и сто миллионов жертв.

Огонь полыхал. Он менял мир. Только на него надеялись и надеются до сих пор. В Индии ко мне подошла молодая журналистка, с большим изяществом одетая в великоколеное сари. Я к тому моменту уже понимал, как отличить принадлежность к разным слоям индийского общества — эта журналистка принадлежала к высшим слоям индийского общества.

Она меня вдруг спросила: «Скажите, про Вас говорят, что, может быть, Вы восстанавите СССР?»

Я ответил: «Да, мы ставим перед собой такую задачу. А почему Вы спрашиваете?»

Ее лицо буквально перевернулось, и она с яростным глубоком чувством сказала: «Потому что я не хочу жить, зная, что СССР не будет».

Шел какой-нибудь 2007 год. Журналистке было не более 25 лет.

Индия никогда не была коммунистической страной. Вьетнам был коммунистической страной и формально остается ею. Но это — формально.

В бизнес-классе аэропорта города Хошимин (бывший Сайгон) ко мне подошел элегантно одетый бизнесмен лет пятидесяти. Шел 2011 год. Бизнесмен начал обсуждать со мной события в России, сказал, что он учился в Москве, в Губкинском институте, и потом работал в СССР. Объявили рейс, на котором этот бизнесмен должен был лететь в США. Он стал прощаться и вдруг сказал с лицом почти таким, как у индийской журналистки: «Какой-то бред, всё, как во сне. Советского Союза нет. Вы преуспеваете, я преуспеваю, а его нет. Что вы наделали, что вы наделали? Простите... я погорячился». С этими словами он ушел.

Один мой товарищ беседовал с Фиделем Кастро. Дошло до обсуждения СССР. Кастро сказал: «Советский Союз — это великое благое государство. Это самое чудесное, что создало человечество. Это какая-то немисляемая сказка». Потом, изменив тон, Кастро сказал товарищу: «Советского Союза нет, вы к нему не имеете никакого отношения. Просто потому, что его нет. И я предлагаю Вам изложить мне Ваше представление о российско-кубинских, а не советско-кубинских отношениях. Вы можете предложить мне что-нибудь взаимовыгодное?»

Все поездки в Китай делегаций, которые я возглавлял, а таких поездок было несколько, поражали одним и тем же: в Китае еще полыхал Красный огонь, он уже остывал, затухал, но еще присутствовал. Это был огонь, порожденный советским огнем. Китай рассматривал СССР как старшего брата. Китайский гаснущий огонь всё равно впечатлял. И невольно возникала мысль: «Каким же могучим и притягательным был советский огонь, порожденный огромными жертвами, если он мог зажечь такой огонь в Китае?»

Могу привести еще много примеров. Когда вполне консервативные и буржуазные израильтяне, успевшие побывать на высших государственных должностях, слышат «Интернационал» по-русски, они вскакивают и начинают петь «Интернационал» на иврите. А когда спрашиваешь, почему они вскакивают, они отвечают: «Это рефлекс, нас так воспитали в детстве, и это на всю жизнь». Потом они переведут дыхание и говорят: «Но ведь этого уже нет...» — и начинают обсуждать проблемы исламистского терроризма.

И вот я спрашиваю себя, глядя, как передо мною проплывает внутренняя кинолента со всеми этими, да и другими образами величия и благодати: «А остался ли в России какой-нибудь след этого величия?»

Бог с ними, с декабристами. Остался ли след их «крови скудной»? — это важный, но не фундаментальный вопрос. А вот остался ли след немерено пролитой крови, которая жертвенно лилась во имя торжества советского коммунистического идеала? Где этот след?

Потому что если этой огромной крови «не осталось и следа», то мы предаем мертвых, проливших эту кровь. А что значит предать мертвых?

У того же Тютчева есть стихотворение о Пушкине:

*Вражду твою пусть Тот рассудит,
Кто слышит пролитую кровь...
Тебя ж, как первую любовь,
России сердце не забудет!..*

Предать мертвых — это значит перестать слышать пролитую кровь. И совершенно непонятно, во-первых, зачем жить, перестав слышать пролитую кровь. И, во-вторых, как жить, слыша эту кровь

МЕТАФИЗИЧЕСКАЯ ВОЙНА

и зная, что она пролилась таким образом, что от нее не осталось и следа.

Теперь оглянемся вокруг и спросим себя: «Остался ли этот красный след от безмерно пролитой крови?»

И со скорбью, а не с ликованием признаем, что если этот красный след и остался, то он целиком умещается в зале, где я читаю этот доклад. И фактически сводится к «Сути времени».

Других организаций, которые:

- чтят советское наследие по-настоящему;
- считают его важнейшим фактором советского и мирового будущего;
- готовы развивать это наследие, а не относиться к нему, как к пустопорожнему фетишу;
- и наконец, оценивая советский проект как одновременно благой, великий и ущербный, отбрасывают соблазн «они-центризма»...

Таких организаций просто нет.

Может быть, кто-нибудь их назовет? КПРФ, повторяю, — это даже не коммунизм в духе пустопорожнего бренда, это сомнительная и двусмысленная пустышка. Если бы было иначе, то мы бы все были в КПРФ. Но это слишком очевидно для каждого мало-мальски серьезного человека.

Повторив это, повторю и то, что существующие леваки крайне малочисленны, крайне двусмысленны и по этим причинам их невозможно называть хоть каким-то следом того великого прошлого. Да их и не интересует советское наследие по-настоящему. А главное — их даже в микроскоп не увидишь. «Суть времени» увидеть в микроскоп всё же можно, а их — нет.

XIII

Мне скажут, что большинство российского населения в большей или меньшей степени чтит советское прошлое. Не буду даже говорить о том, что если бы оно чтило его в момент обрушения СССР, то СССР бы не рухнул. А если бы оно чтило его в 1993 году, оказавшись уже очевидным образом обокраденным и обманутым, то рухнул бы ельцинизм и СССР был бы восстановлен.

Главное даже не в этом. Хотя и это существенно для тех, кого волнует правда, а не пустопорожняя болтовня о том, что некие «они» обрушили Советский Союз, а мы тут ни при чем. Но главное — что следом пролитой крови является некая пусть малая, но не сверхмалая общность, способная а) чтить кровь, б) считать ее фактором будущего, в) развивать, а не тупо восхвалять то советское наследие, которое определяется этой кровью.

Здесь, в этом зале, много сотен достаточно молодых людей, уже доказавших, что они могут устойчиво работать во имя сохранения и развития советского наследия как фактора будущего. Ни в одном зале России такое число качественных, бескорыстных и убежденных представителей молодого поколения, ориентированных аналогичным образом, собрать нельзя.

А значит, больше никаких следов нет. Это страшно, что их нет. Это порождает у меня в сердце массу вопросов, но то, что других следов нет, вопиющим образом очевидно, а этот след — есть. Пусть он слабый, но он есть. И надо ответственно обсуждать его судьбу. Понимая, чем слабый, но существующий след отличается от отсутствия следа как такового.

XIV

Вместо того чтобы пророчествовать, я, в силу ответственности обсуждаемого вопроса, предлагаю для начала просто перечислить все хоть в какой-то степени воз-

Рис. 3. Джон Арчибальд Уилер (1911–2008)

можные сценарии российского будущего. Потом обсудим, по какому из них будут развиваться события. А вначале просто перечислим все имеющиеся возможности, они же — сценарии.

Сценарий первый — дальнейший развал России. Это возможно? Конечно. Начнут подымать всерьез Поволжье (Татарстан, Башкирию и так далее), и Россия может продолжить разваливаться примерно так же, как развалился СССР.

Сценарий второй — майданный. Все мы тоже понимаем, что он возможен.

Сценарий третий — несколько средних и малых войн, соединяемые с ростом центробежных тенденций и майданными мятежами.

Сценарий четвертый — одна совсем большая война. Кстати, она впервые после 1945 года по-настоящему маячит на горизонте. Даже во времена Карибского кризиса этого не было, а сейчас это есть. Несмотря на многие успокоительные заявления власти.

Сценарий пятый — быстрый переход от псевдостабильности к катастрофе под давлением внешних или полуслучайных внутренних обстоятельств.

И наконец, **сценарий шестой** — продолжение нынешней ситуации на десятилетия.

Прекрасно осознавая, что сил у нас очень мало, хотя они и есть, беспокоясь по поводу несчастий, порождаемых для огромного большинства населения любым из первых пяти сценариев, мы понимаем, что шестой сценарий при всех его фундаментальных издержках а) не порождает чрезвычайных массовых бедствий, б) дает некоторые возможности для постепенного развития мягких процессов хотя бы относительно респектабельной ресоветизации.

Конечно, ее не хочет никто из властей имущих. Но есть много причин, в силу которых так называемый жесткий белогвардейский вариант в рамках шестого сценария уже не является настолько предопределенным, как раньше. Полностью бита карта под названием «Стрелков», которую пытались разыграть белогвардейские противники ресоветизации и Путина. Эти противники показали, что они атакуют не только ресоветизаторов, но и Путина. В чем, собственно, и состоял феномен Стрелкова. Нового Стрелкова белогвардейцы (я их так называю условно) создать практически не могут, хотя очень хотят. Холодная война с Западом несовместима для мало-мальски разумных людей с резкой десоветизацией. Большинство населения — на стороне ресоветизации, а власть не хочет всерьез задействовать авторитарный сценарий с опорой на белогвардейское меньшинство.

Во-первых, нет человеческих и иных ресурсов для такого авторитаризма.

Во-вторых, по многим причинам нет желания, да и возможности переходить к коллективному репрессивному руководству, то есть к хунте.

В-третьих, как я уже говорил, сценарий белогвардейской хунты не сочетаем со сценарием холодной войны с Западом (хунта чилийского Пиночета или испанского Франко не конфликтовала с Западом, а верно служила ему и только потому могла быть устойчивой).

Конечно, всё, что я только что сказал, лишь превращает вариант оформления белогвардейской диктатуры десоветизаторов из безальтернативного в вариант высоковероятный. Всё, мною сказанное, не говорит

о том, что белогвардейская десоветизирующая диктатура стала маловероятной или что она исключена. На такую диктатуру сделаны огромные ставки, она заложена в стратегию, реализуемую уже 25 лет. И еще недавно она казалась безальтернативной. Вопрос был только в том, сформируется она раньше или позже и вокруг кого именно (Скокова, Сосковца, Лебеда или кого-то еще).

Прошли десятилетия. Формирования такой диктатуры удалось избежать. Большая часть того меньшинства, которое захватило власть, жаждет именно ее. Страстное желание чего-либо, связанное с огромными властными возможностями, — это серьезный фактор. Я бы сказал, даже очень серьезный. Но серьезный не значит абсолютный.

Итак, возможен такой вариант в рамках шестого сценария, при котором продлится нынешняя ситуация. Причем продлится на долгий срок.

Мне лично это представляется невозможным, но теоретически это возможно. А я сейчас обсуждаю всё возможное, а не говорю о том, как именно, с моей точки зрения, будут развиваться события. Повторяю, об этом поговорим позже.

Зачем я перечисляю все возможности? Для того, чтобы спросить собравшихся, понимают ли они, чем подобное продление нынешней ситуации при наличии некоторого красного следа, способного развиваться, отличается от продления нынешней ситуации при отсутствии такого следа?

Разница тут не только политическая, она еще и метафизическая. Предлагаю ее сейчас обсудить. И потому, что понятие «метафизика» до сих пор не освоено «Сутью времени» по-настоящему. И потому, что, не обсудив метафизику, всё остальное с предельной серьезностью обсуждать, увы, невозможно.

XV

Сердцу многих из тех, кто здесь собрался, близко стихотворение Твардовского «В тот день, когда окончилась война». Твардовский говорит о том, что мертвые, пожертвовавшие собой в ходе Великой Отечественной войны, живут на некоем другом берегу, то есть в мире, который не является нашей физической реальностью, но который не менее реален, чем эта самая физическая реальность.

Собственно, что такое физическая реальность? Мы живем не в конце XIX века. Оставим даже в стороне Эйнштейна с его четырехмерным пространством, в котором четвертым измерением является мнимая ось времени. Напомним, что мнимым называется число, квадрат которого — величина отрицательная. Итак, оставим в стороне это пространство, которое иногда называют пространством Эйнштейна-Минковского. И обсудим пространства более сложные, предложенные в том числе и учениками Эйнштейна. Одним из таких учеников Эйнштейна был Джон Арчибальд Уилер (рис. 3), профессор Принстонского университета, соавтор совсем знаменитого Нильса Бора, соавтор почти столь же знаменитого Фейнмана.

Уилер, конечно, не Эйнштейн. Но это один из самых уважаемых постэйнштейновских физиков, ученый масштаба Льва Давыдовича Ландау.

Повторяю, это не оккультист, не спекулянт, не мистик, это — стопроцентный ученый, книга которого представляет собой перевод лекций, прочитанных на суперпрестижной летней школе физиков-теоретиков имени Энрико Ферми.

Уилер опубликовал книгу, переведенную на русский язык еще в советское время. Она называется «Гравитация, нейтрино и вселенная».

МЕТАФИЗИЧЕСКАЯ ВОЙНА

Продолжение. Начало — на стр. 1–5

Постараюсь вкратце и без искажений изложить собранное, включая гуманитариев, что именно говорит Уилер.

Есть такое понятие — дивергенция. Дивергенция в физике — это определение того, насколько расходятся в данной точке (или ее бесконечно малой окрестности) входящий и исходящий поток (например, воды или какого-нибудь поля — электрического или магнитного).

Если нашей «точкой», например, является озеро, то в случае, если в него втекает столько же воды, сколько и вытекает, то дивергенция равна нулю. Если вытекает воды из озера меньше, чем втекает, то дивергенция будет отрицательной, и это заставит нас предполагать, что на дне озера есть, например, пещеры, куда вода утекает. А если из озера воды вытекает больше, чем втекает, то дивергенция будет положительной. В таком случае мы будем предполагать, например, наличие на дне озера родников, из которых в озеро тоже поступает вода. А если это не вода, а какое-нибудь поле, то, замерив дивергенцию, можно понять, есть ли внутри некоего замкнутого контура («озера») некий создающий дополнительное поле заряд («родник»).

Наиболее почтенным ученикам Эйнштейна, таким как Уилер, не нравилось то, что в основополагающих уравнениях электромагнитного поля, известных как уравнения Максвелла, дивергенция электрического поля равна заряду, а дивергенция магнитного поля равна нулю.

Что говорит Уилер по этому поводу, предлагая устранить подобную некрасивость, неодинаковость уравнений? Он говорит: «Мы зря рассматриваем мир, в котором есть только три пространственные координаты. Надо рассматривать мир, в котором только пространственных координат четыре, а время — пятая координата. Достаточно ввести эту четвертую пространственную координату, и все дивергенции будут равны нулю, потому что в четырехмерном пространстве сколько втекает, столько и вытекает, сколько электрического, столько и магнитного поля — и дивергенции равны нулю».

Уилер предлагает одну из простейших моделей, которая иллюстрирует возможности такого метода, определенным образом трактуя проблему дивергенции, а значит и источников/зарядов (рис. 4).

Под уилеровским рисунком — надпись, разъясняющая его смысл. Чтобы не запутывать людей, не занимающихся профессионально теорией поля или, как Уилер ее называет, «геометродинамикой», я процитирую лишь фрагменты из этой развернутой надписи:

«Наблюдателю две горловины представляются электрическими зарядами, равными по силе и противоположными по знаку. <...> [В одной области] наблюдатель обнаружит, что силовые линии выходят из отверстия. <...> В другой области он обнаружит сходящиеся силовые линии. <...> Он может построить ограничивающую замкнутую поверхность вокруг правого заряда, определить поток через эту «границу» <...> и «вывести» отсюда, что внутри этой поверхности находится заряд. Но [на самом деле] это не граница. То, что ею охватывается, фигурально выражаясь, может войти в горловину ручки, пройти через рукав, выйти из другой горловины ручки. <...> Силовые линии нигде не кончаются. <...> Нельзя указать, где находится некоторый заряд».

Что хочет сказать Уилер? Что наблюдатель не видит «ручки», в которую нечто втекает через одну, левую, дырку и вытекает через другую, правую, дырку. Если бы наблюдатель это видел, то он бы понял, что сколько втекает, столько и вытекает. Но он этого не видит. Он видит, что в одну левую дырку втекает нечто, и потому называет это одним зарядом. Ведь раз втекает и всё тут, значит — заряд. И он видит

Альберт Эйнштейн, Хидэки Юкава и Джон Арчибалд Уилер в Принстоне

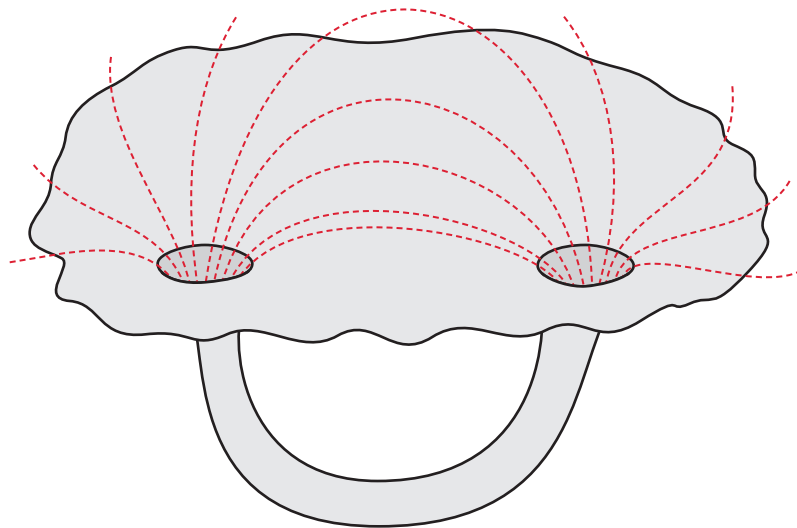

Рис. 4. Иллюстрация к модели Уилера

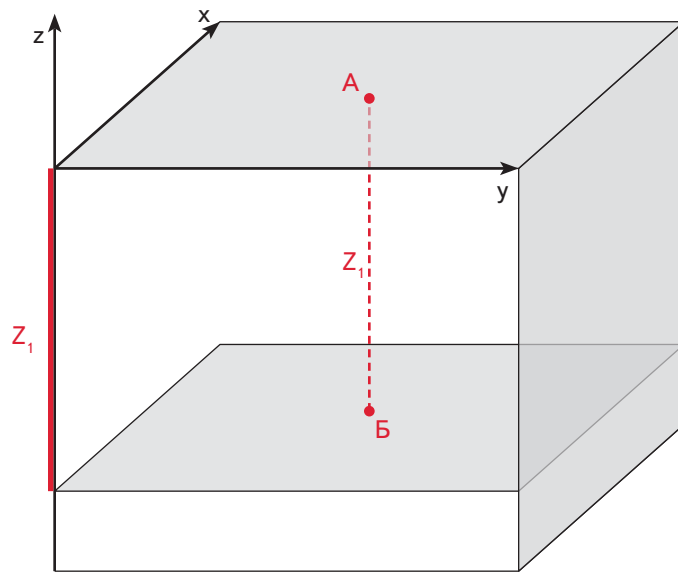

Рис. 6. Трехмерное пространство

другую дырку, через которую вытекает. И называет это зарядом с другим знаком. Например, раз втекает, то заряд отрицательный, а раз вытекает, то заряд положительный, но тут уж как договориться.

А на самом деле имеет место «озеро» другой размерности, в котором всё, что втекает слева, потом вытекает справа, а значит, нет избытка втекающего слева и избытка вытекающего справа. Такова примерно логика Уилера. Но почему наблюдатель не видит, что на самом деле есть горловина, рукав, другая горловина? Он может этого не видеть, только если он не регистрирует того измерения, в которое уходит рукав. А когда он не видит это измерение? Если он способен видеть

только два измерения, а всё происходит в третьем, или если он способен видеть только три, а всё происходит в четвертом. Ну так оно и происходит в четвертом! — такова, по сути, логика Уилера.

Проследивать нюансы собственно авторской логики я не могу, потому что тогда придется долго разбирать сложные уравнения. Поэтому я говорю, что, по сути своей, логика Уилера такова. И подвожу черту под обсуждением Уилера, подчеркнув еще раз при этом, что Уилер не оккультист, не священник, не мистик, он — один из основных физиков-теоретиков постэйнштейновского мира.

Теперь рассмотрю еще одного ученого, который обсуждает четырехмерное

пространство с его загадочным вторжением в пространство трехмерное. Этот ученый — наш соотечественник Борис Викторович Раушенбах, родившийся в Петрограде в 1915-м и умерший в Москве в 2001 году (рис. 5).

Борис Викторович Раушенбах — один из основоположников российской космонавтики, академик, лауреат Ленинской премии, ученый масштаба Сергея Павловича Королева. Их было несколько — таких ракетчиков: Королев, Раушенбах, Янгель.

Так вот, Раушенбах написал несколько работ по поводу четвертого пространственного измерения: «Пространственные построения в живописи», «Пространственные построения в древнерусской живописи», «Системы перспективы в изобразительном искусстве», «Передача трюичного догмата в иконах». Что для нас важно в этих работах? Что Раушенбах предлагает рассматривать пришествие в тварный трехмерный мир нетварных существ (Иисуса Христа, ангелов) как наполнение на этот трехмерный мир того, что обычно отдалено от него определенным образом в рамках четвертого измерения.

Мне необходимо добиться абсолютного адекватного понимания проблемы четвертого пространственного измерения собранного в этом зале людьми. Причем такое абсолютно адекватное понимание должно возникнуть даже у тех, кто забыл всю физику и математику или, точнее, сохранил в этой сфере только совсем элементарные знания. Ведь все сохранили некие знания о трехмерном пространстве, в котором есть три измерения. Ну, скажем, длина (x), ширина (y) и высота (z) — (рис. 6).

Пространство, в котором есть длина (x), ширина (y) и высота (z), называют трехмерным или системой из трех перпендикулярных пространственных координат. Пространство, в котором есть еще четвертое пространственное измерение w , называют четырехмерным. Напрямую вообразить его себе человек не может. Но он может что-то понять, воспользовавшись косвенными подходами. Каковы же эти подходы, которые может применить не только высококомпетентный физик и математик, но и выпускник средней школы, не обладающий естественнонаучными знаниями и интересами?

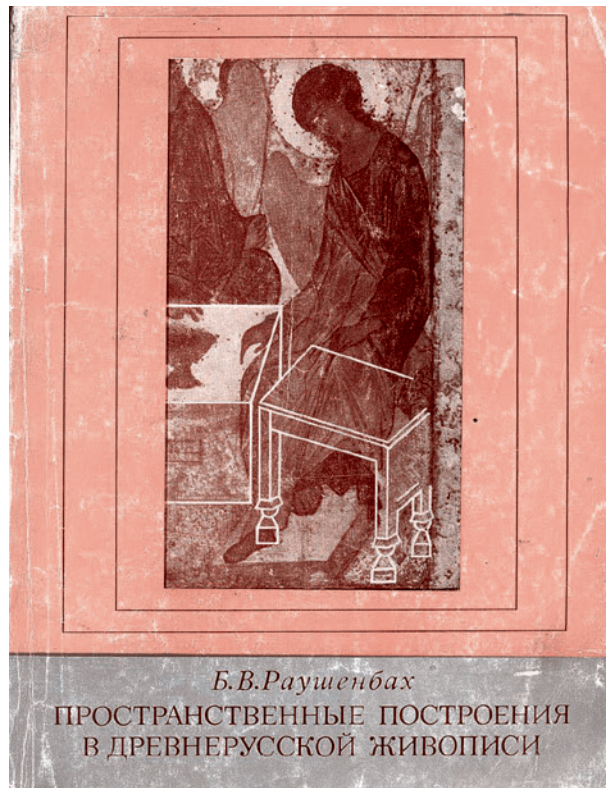
Когда преподаватели теоретической физики хотят, чтобы у учащихся возникло правильное представление о четырехмерном физическом пространстве, в котором четвертая координата w — это не время, а еще одна пространственная координата, эти преподаватели всегда используют так называемую двухмерную аналогию. Они говорят: давайте проведем в трехмерном пространстве несколько плоскостей, параллельных друг другу и отличающихся только по координате z . Предположим, что две такие плоскости x, y и x^1, y^1 отличаются только тем, что отстоят друг от друга на некую величину z^1 и при этом параллельны друг другу.

Представьте себе, что вы плоский человек, то есть регистрируете только x и y . Ваши органы чувств и ваши приборы не регистрируют z . Тогда две параллельные плоскости, отстоящие друг от друга на величину z^1 , для вас сольются. Точка А и точка Б, имеющие одни и те же координаты x, y , но отличающиеся по z , то есть находящиеся на двух параллельных плоскостях и отстоящие друг от друга на величину z^1 , вы не отличите, ибо вообще не регистрируете z . Это для вас будет одна точка. Но и плоскости, отстоящие друг от друга на величину z , вы тоже не отличите. Это для вас будет одна плоскость. Если все приборы и органы чувств не регистрируют z (а это и значит, что вы двухмерны), то для вас нет разницы между точкой А и точкой Б, они сливаются. Нет разницы между плоскостями x, y и x^1, y^1 , отстоящими на величину z^1 или на любую другую величину и параллельными друг другу.

МЕТАФИЗИЧЕСКАЯ ВОЙНА

Рис. 5. Борис Викторович Раушенбах (1915–2001)

Обложка книги Б.В.Раушенбаха «Пространственные построения в древнерусской живописи»

Итак, все мы понимаем, что для двухмерного человека эти разные плоскости, находящиеся в трехмерном пространстве, сольются. Но фактически то же самое произойдет, если есть четвертое пространственное (именно пространственное) измерение w , а вы — трехмерный человек, чьи органы чувств и датчики не регистрируют w . Тогда для вас сольются все трехмерные объемы, параллельные друг другу и отстоящие на w^1 , w^2 и так далее.

Вы не отличите два трехмерных объема, помещенных в четырехмерном пространстве, если они параллельны, то есть отличаются только по четвертому измерению w , так что каждая точка одного трехмерного объема, он же — плоскость в четырехмерном объеме, отстоит от каждой точки другого трехмерного объема только на величину w^1 . Тогда эти трехмерные объемы так же размещены в четырехмерном пространстве, как две двухмерные плоскости размещены в трехмерном пространстве.

По аналогии это можно рассматривать как две двухмерные плоскости в трехмерном пространстве. Двухмерный человек не будет отличать разные параллельные двухмерные плоскости, потому что они отличаются третьей координатой, которую двухмерный человек не видит, не ощущает, не регистрирует. Для него все параллельные плоскости — это как бы одна плоскость. Ведь он, повторяю, не способен зарегистрировать третью координату. Но ведь она есть, и на самом деле в трехмерном мире возможно приближение одной двухмерной плоскости к другой (рис. 7).

XVI

Представим себе, что двухмерный человек находится на одной плоскости, которая для него является его реальным миром. А на другой плоскости, находящейся на определенном расстоянии от плоскости реального мира, находятся усопшие, которых Твардовский разместил в пространстве, названном «берег». В этой модели берег — это просто другое параллельное двухмерное пространство. Потустороннее двухмерное пространство может находиться на большем или меньшем расстоянии от пространства реальной жизни. Но двухмерный человек, находящийся в пространстве реальной жизни, не видит другое двухмерное пространство, то бишь параллельную плоскость, даже если она находится близко. Но если она находится близко, то есть его от усопших отделяет «лист учетный», то он это второе пространство чувствует. А если оно находится

далеко, то он перестает его чувствовать. Или чувствует гораздо слабее.

Теперь представим себе, что плоскость, где находятся усопшие, то есть берег, может приближаться или удаляться. Тогда двухмерный человек, находящийся в реальном мире, будет этот мир усопших чувствовать то больше, когда плоскость приближается, то меньше, когда плоскость удаляется.

Меня спросят: «А если плоскости сольются?» Отвечаю: тогда усопшие войдут в реальный мир живого человека. К живописцу придут его погибшие на войне товарищи.

Пример с плоским человеком и двумя параллельными плоскостями в трехмерном пространстве призван проиллюстрировать то, что происходит с трехмерным человеком, живущим в трехмерном пространстве реальности, являющимся на самом деле лишь одной из плоскостей четырехмерного пространства. Поскольку четырехмерное пространство изобразить невозможно, то такой метод часто применяют физики.

Объясняя свою теорию сыну, который спрашивал его, что он открыл, Альберт Эйнштейн сказал: «Представь себе жука,

который ползает по огромной вогнутой поверхности, и ему кажется, что эта поверхность плоская. А я такой же жук, только я понял, что поверхность не плоская, а кривая». Эйнштейн предлагает сыну модель двухмерного жука, который не может уловить кривизны, поскольку у него нет способности непосредственно регистрировать третье измерение: жуку кажется, что поверхность плоская. Подобные физические отсылки: «Представьте себе плоского человека, который не фиксирует третье измерение, и вы поймете, что такое трехмерный человек, не фиксирующий четвертое измерение», — используются очень часто.

В данном случае мы это используем для того, чтобы понять, как четырехмерность пространства может быть связана с приближением и удалением берега, на котором находятся усопшие.

Но то же самое может быть, если речь идет не об усопших, а о каких-то сущностях — ангелах, демонах и так далее. Так выглядят взаимодействия в случае, если мир обладает не тремя, а четырьмя пространственными измерениями. При определенных условиях трехмерный человек перестанет чувствовать удалившийся от него по четвертой координате мир усопших, но если расстояние по четвертой координате начнет сокращаться, то находившийся от него далеко потусторонний мир, он же — берег, заполненный товарищами, начнет на него накатывать. И он его почувствует.

Раушенбах говорит, что на иконах это просто показано. Там сделаны, как на чертеже, некие сечения, объясняющие, что именно происходит с измерением, которое на чертеже не показано. Он разъясняет читателям, что такое сечение, на примере технического устройства, показывая, как можно с помощью плоского изображения заглянуть внутрь трехмерного устройства (рис. 8).

Далее Раушенбах переходит от технических устройств, для описания которых используются сечения, к иконам. Он предлагает читателю рассмотреть икону «Успение» (рис. 9).

Вот, что Раушенбах пишет об этой иконе:

«На странице 94 приведена новгородская икона «Успение», приписываемая Феофану Греку или, во всяком случае, написанная под его сильным влиянием. Перед мастерами, писавшими иконы «Успение», возникла именно та задача, которая обсуждалась выше. Согласно церковному преданию, Богородица скончалась, окруженная скорбящими апостолами, а ее душа (изображаемая в виде младенца) была взята на небо явившимся для этого Христом. Важно при этом подчеркнуть, что эти два события — кончина Марии в окружении апостолов, стоящих около ее ложа, и взятие ее души Христом — происходили одновременно. С точки зрения развитых несколько выше формальных принципов эти два события удобно трактовать как происходящее в разных областях четырехмерного пространства — «видимом» (w^1) и «невидимом» (w^2).

Воспользовавшись методом сечений, обе области можно изобразить одновременно, если разделить плоскость картины на две части, подобно тому, как плоскость чертежа на рис. 21 [в докладе — рис. 8] была с аналогичной целью разделена на области А и В. На чертеже области А и В разделяются границей С, по аналогии и на рассматриваемой иконе области w^1 и w^2 должны быть отделены друг от друга четким и недвусмысленным образом.

Продолжение на стр. 8

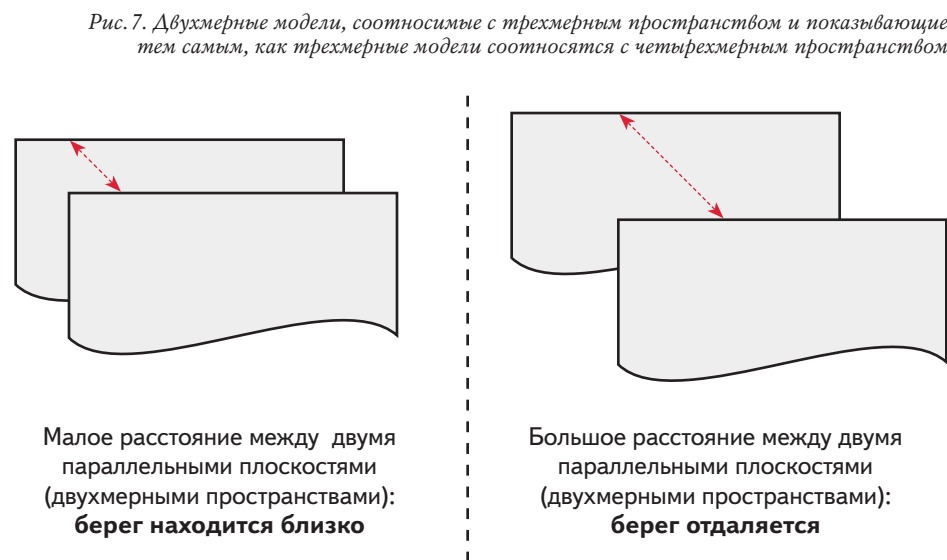

Рис. 7. Двухмерные модели, соотносимые с трехмерным пространством и показывающие тем самым, как трехмерные модели соотносятся с четырехмерным пространством

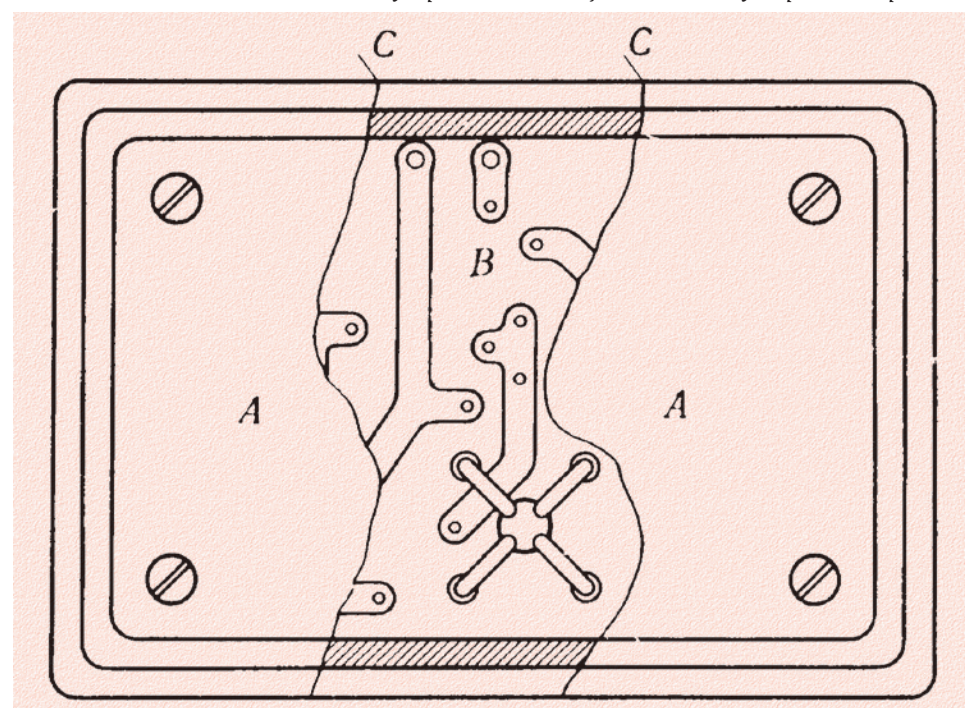

Рис. 8. Иллюстрация из книги Раушенбаха, которую автор использует, разъясняя, что такое сечения, позволяющие показать трехмерное устройство с помощью плоского двухмерного изображения

МЕТАФИЗИЧЕСКАЯ ВОЙНА

Продолжение. Начало — на стр. 1–7

На изображенной иконе этой границей является линия, отделяющая обычный светлый фон неба от темно-синего фона пространства, в котором стоит Христос. Очевидно, что это темно-синее пространство выделено методом сечений, поскольку оно прерывает изображение архитектурного фона. Получается, что на иконе изображены два пространства — реальное, к которому принадлежит ложе Марии, апостолы, святители и архитектурный фон, и мистическое, с Христом, которое начинается между передним и задним планами реального пространства.

Художник всячески подчеркивает, что эти два пространства связаны лишь через мистическое действие — взятие души Марии — и мистическое пространство остается невидимым для окружающих ложе Марии. Последнее следует из того, что взоры всех обращены к умирающей Марии и никто не смотрит на Христа, хотя совершенно очевидно, что появление Христа среди его учеников потрясло бы их значительно сильнее, чем смерть Марии, тем более, что он появляется в сияющих и светящихся одеждах, наподобие того, как это изображается на иконах «Преображение». В связи с тем, что Христос находится в другом слое четырехмерного пространства, не связанном с живыми людьми, разномасштабность фигуры Христа и людей не воспринимается как нечто непонятное даже современным зрителем, тем более средневековым, поскольку выделение наиболее значительных персонажей путем увеличения их изображения было нормой древнерусского искусства.

Желание как можно более четко обозначить видимую на иконе границу сечения, позволяющего одновременно показать две сосуществующие области пространства, привело к тому, что с самого начала XV века эта граница особенно часто подчеркивается не только цветом, но и изображением непрерывного ряда ангелов, расположенных вдоль границы двух изображаемых пространств. Коренное различие между обоими слоями четырехмерного пространства показано как препятствие в виде небесных сил. Эти ангелы пишутся монохромно на фоне мистического пространства, что символизирует неразрывную связь между ними и одновременно делает ангелов почти «невидимыми», в чем подчеркнута невидимость ограниченного ими пространства.

Итак, Раушенбах формулирует изложенную мною трактовку стихотворения Твардовского «В тот день, когда окончилась война» более чем внятно. И берег с усопшими является особым трехмерным пространством, вмонтированным в четырехмерное и находящимся на разном расстоянии от трехмерного пространства, где находятся те, кто остался в живых. Это расстояние может быть совсем маленьким, как учетный лист («и разделял нас только лист учетный»), а может стать большим («И, кроясь дымкой, он уходит вдаль, Заполненный товарищами берег»).

И Уилер (более или менее расплывчато), и Раушенбах (совсем уж внятно) излагают ту же позицию, согласно которой в четырехмерное пространство вмонтированы два трехмерных: здешнее и потустороннее. Подчеркну еще раз, что Раушенбах излагает этот подход еще более внятно, чем Уилер. На странице 90 книги Раушенбаха «Пространственные построения в древнерусской живописи» черным по белому написано:

«Изображение на иконах событий, связанных с религиозными преданиями, поставило перед средневековыми мастерами задачу одновременного показа на одной картине событий, проис-

Рис. 9. Икона «Успение». Предположительно, Феофан Грек

ходящих в реальном трехмерном мире и в мире мистическом, тоже трехмерном, но ирреальном, хотя в Средние века мало кто сомневался в существовании этого невидимого людям мира. Более того, нередко оба этих трехмерных мира, «видимый» и «невидимый», представлялись существующими не только одновременно, но и в одной и той же области пространства, причем независимо друг от друга, а тесно взаимодействующими.

Если попытаться дать сказанному здесь математическую интерпретацию, то можно утверждать, что от художников потребовалось изобразить четырехмерное пространство. <...> Нередко четырехмерное пространство понимается как пространство, имеющее три обычные координаты и в качестве четвертой — время. Здесь рассматривается случай, когда существуют четыре пространственные координаты, а время (если его тоже интерпретировать как некоторую координату) будет уже пятой. Следует предостеречь от попытки упрощенного понимания многомерности <...>

Добавление каждого измерения меняет не количественную, а качественную сторону пространства. Прямая — одномерный объект, но две прямые не дают пространства двух измерений, им является качественно новое образование — плоскость. Переход к трем измерениям дает новое качество — объем, поэтому и обращение к четырехмерному пространству должно дать следующую ступень в качестве усложняющегося ряда: прямая, плоскость, объем...

Если попытаться дать главную характеристику четырехмерному геометрическому пространству, главную с точки зрения анализа средневековых изображений, то она сведется к утверждению, что в нашем обычном трехмерном объеме, например, объеме комнаты, могут независимо и одновременно существовать разные «жизни».

В связи с очень большой неочевидностью всего того, что я здесь обсуждаю, подчеркну еще раз, что Раушенбах в точности повторяет то, чему я пытался дать наиболее упрощенную и понятную интерпретацию. Приведу пример с двумя двухмерными мирами, размещенными

в трехмерном мире, я отдал дань традиции, которая формулируется так: человек не может зрительно представить себе четырехмерный мир и его соотношение с миром трехмерным, но он зрительно может представить себе двухмерный мир и его соотношение с миром трехмерным. Представив себе это, человек может уяснить себе, что в принципе происходит в отношениях между трехмерным и четырехмерным миром. А происходит следующее: в одном четырехмерном мире может быть упаковано много трехмерных миров. Например, наш реальный мир и тот берег, который, являясь другим трехмерным миром, именуемым «ирреальным», отошел от нашего реального трехмерного мира вдаль, то есть на некое расстояние. Но остался в одном с нами четырехмерном мире. Это Раушенбах формулирует, так: «В нашем обычном трехмерном объеме, например, объеме комнаты, могут существовать разные «жизни».

Продолжение на стр. 10

МЕТАФИЗИЧЕСКАЯ ВОЙНА

Псковская школа. Воскресение Христово. Сошествие во ад. Конец XIV — середина XV вв.

МЕТАФИЗИЧЕСКАЯ ВОЙНА

Продолжение. Начало — на стр. 1–9

XVII

Уилером и Раушенбахом всё не исчерпывается. Почти вся современная космология оперирует четырьмя, пятью, шестью пространственными измерениями, подчеркиваю — пространственными. Время вводится отдельно, согласно эйнштейновской традиции — как величина, квадрат которой — отрицательное число. Такую величину называют мнимой. Предвидя путаницу, которая может возникнуть в связи с разговорами о четырех пространственных измерениях и четырехмерности вообще, Раушенбах делает специальную оговорку: «Нередко четырехмерное пространство понимается как пространство, имеющее три обычные координаты и в качестве четвертой — время. Здесь рассматривается случай, когда существуют четыре пространственные координаты, а время (если его тоже интерпретировать как некоторую координату) будет уже пятой».

«Здесь» для Раушенбаха — это в средневековой живописи. А для космологических теорий то же самое уже является не фантазией живописца, а реальностью. Да и для Раушенбаха четвертое пространственное измерение в иконе является, конечно, реальностью, хотя он говорит об этом уклончиво (книга Раушенбаха первый раз вышла в советский период, когда это не поощрялось). Но всё же Раушенбах говорит об иконах, а не о реальном мире.

Вот что говорит о реальном мире Виталий Лазаревич Гинзбург (1916–2009), выдающийся советский и российский физик-теоретик, академик, лауреат Сталинской премии 1953 года I степени, Ленинской премии 1966 года, Нобелевской премии по физике 2003 года (рис. 10).

Виталий Лазаревич был членом ВКП(б) с 1944 года. А в постсоветский период голосовал за Явлинского и Немцова. Он никак не был просоветским человеком в постсоветское время. И, наконец, он был «борцом с клерикализмом», осужденным за это нашими патриотами. Один мой очень патриотичный и компетентный знакомый сказал по этому поводу, что «хорошо бы всем вместе взятым патриотам, осудившим Гинзбурга, сделать для повышения обороноспособности страны одну десятую того, что сделал Гинзбург». Но я говорю о роли Гинзбурга только для того, чтобы задать масштаб фигуры, чтобы не оказалось, что я цитирую шарлатана, дилетанта.

Цитировать я буду статью Гинзбурга, вышедшую в журнале «Успехи физических наук» за февраль 2002 года. Статья называется «О некоторых успехах физики и астрономии за последние три года». Гинзбург обсуждает новые фундаментальные научные достижения, вводит за номером 17 то, что касается так называемой фундаментальной длины, равной $1,6 \times 10^{-33}$ см. Это вам не наноразмеры. Это фактически ничто.

Гинзбург утверждает, что за последнее время проблема фундаментальной длины снова вышла из тени и стала актуальной. Дело в том, пишет он, что «уже давно обсуждается возможность того, что помимо обычных для нас трех пространственных измерений x , y , z и времени t в реальном мире существуют и как-то «работают» и другие измерения. Однако до недавнего времени обычно предполагалось, что пятое и все другие пространственные измерения (вот вам и борьба с клерикализмом — С.К.), как говорят, компактифицируются (попросту — проявляют себя — С.К.) с реальным размером порядка фундаментальной длины (грубо говоря, это значит, что они скручиваются в «трубки» с радиусом порядка фундаментальной длины). Сейчас же всё шире стала обсуждаться возможность того, что одно (а в принципе, быть может, и не одно)

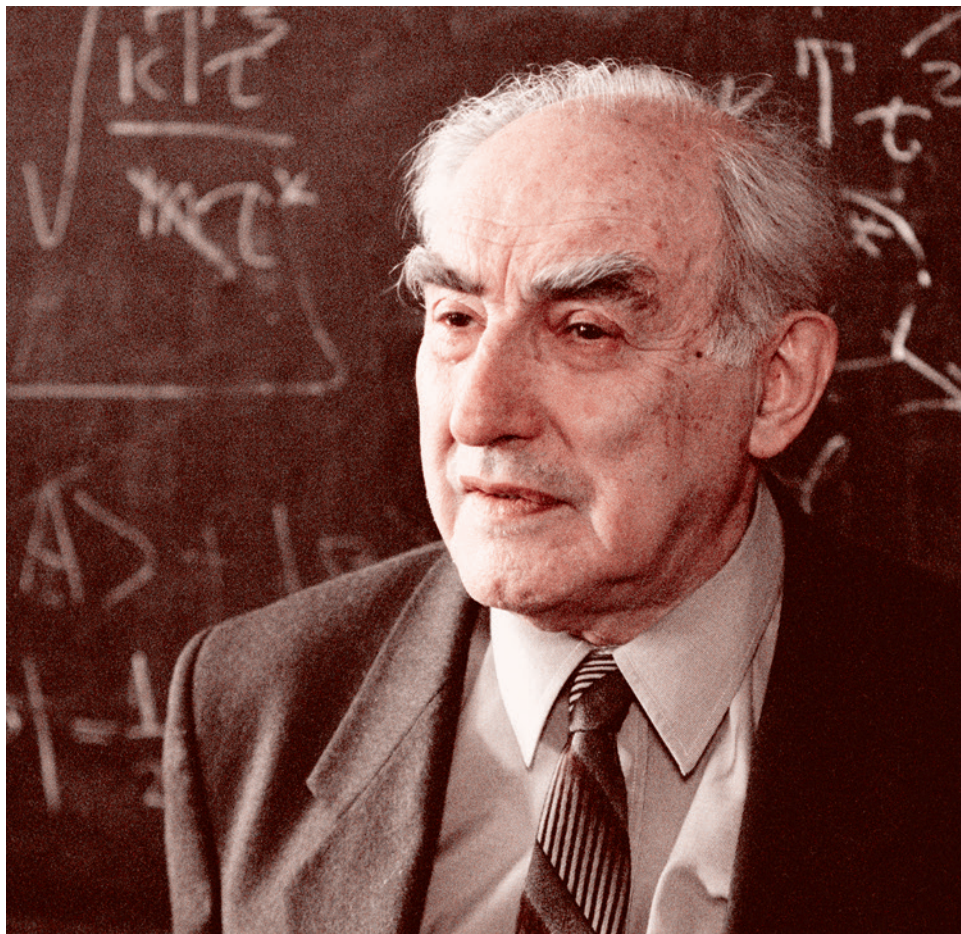

Рис. 10. Виталий Лазаревич Гинзбург (1916–2009)

из «дополнительных» измерений компактифицируется не с радиусом фундаментальной длины, а с другим, возможно, и значительно большим радиусом. <...> Мне пришлось видеть статьи, в которых лишь одно дополнительное измерение, по предположению, имеет «радиус» намного больше фундаментальной длины, причем это сказывается на поведении гравитационного поля. <...> Я убежден, что соответствующее направление исследований будет в центре внимания в обозримом будущем».

По понятным причинам я не могу бесконечно размножать подобного рода высказывания. Буду благодарен собрав-

шимся, если кто-то предложит еще более яркие. Но и сказанного достаточно для того, чтобы понять, что даже очень крупные ученые, в том числе «борцы с клерикализмом», уже вовсю оперируют четвертым и пятым пространственными измерениями, проявляя такую метафизичность, что... Поэтому что там, где существуют такие измерения, там может быть всё на свете.

Мы очевидным образом — подчеркиваю, именно очевидным — живем в мире, который фантастически отличается от мира, в котором жил Ньютон или даже Эйнштейн. Теперь физика заговорила на языке «Берега» Твардовского. Физика, а не лирика!

Андрей Рублев и Даниил. Вознесение Господне

XVIII

Но вернемся к стихотворению Твардовского. Когда он говорит, что до предельно мига пространству берега было предельно близко к реальному пространству (эти пространства разделял только лист учетный), а после победы расстояние между этими пространствами увеличилось, он же не говорит, что берег и его обитатели испарились. Он говорит, что они отдалились от реального физического пространства. Он говорит: «И, кроясь дымкой, он уходит вдаль, Заполненный товарищами берег». Но он же вдаль уходит, этот берег, не испаряется, — значит, где-то на этом отплышем от реального пространства острове живут те, кто пожертвовал собой. В случае стихотворения Твардовского — как бы только ради жизни на земле, что, согласиться, совсем не мало. А в нашем случае — ради того огромного великого спасительного огня, который, в том числе, и спас жизнь на Земле.

Если в России, где загорелся этот огонь, не осталось и следа от огромной пролитой ради этого огня жертвенной крови, если эту кровь перестали слышать, то берег начинает гнить, потому что с ним никто не общается, никто не перевозит, образно говоря, грузы через этот мост и не возвращается за новыми грузами. Эта катастрофа берега, неминуемо потом превращающаяся в катастрофу земного мира, значима сама по себе.

Я понимаю, как рискованно договаривать до конца, но я договорю. Одно дело — всё время бороться за улучшение реального мира. Это благородная задача, но тонко чувствующие люди понимают, особенно после перестройки, что реальный материальный мир можно сделать лучше, но он всё равно будет плох. Но если из этого реального мира должна поступать, образно говоря, гуманитарная помощь в мир, именуемый берегом, то это резко повышает ценность реального мира. А если этот реальный мир является малой гирей на чаше колеблющихся весов борьбы между предельным мраком и предельным светом, то ценность реального мира еще больше повышается. Это не упование на то, что меня спасут. Это — воля к самосохранению, спасению мертвых и предельному спасению. И тут всё зависит от тебя. Вот формула метафизики войны. Она же — красная метафизика.

Хорошо, когда пишут на машинах «Спасибо деду за победу!». Но это необходимое очень сильно отличается от достаточного. А достаточным является хотя бы след от пролитой крови, если уж не удалось спасти саму эту кровь — то бишь великий проект и великую страну.

А значит, наличие того следа пролитой крови, который остался в этом зале и тем самым является единственным оставшимся следом, значимо и с метафизической точки зрения. Храня и развивая это наследие, мы спасаем след, а значит, мост между нами и берегом, а значит, и сам тот берег. Такова метафизическая сторона вопроса.

XIX

О стратегической и политической стороне вопроса я уже говорил и повторю чуть позже еще раз. Но если нет метафизического слагаемого, то все остальные теряют существенную часть своего смысла и своей энергетики.

И раз уж разговор зашел о смысле и энергетике, то я еще раз вынужден обсудить отличие метафизического смысла и метафизической энергетики от религиозного смысла и религиозной энергетики, а значит, и отличие метафизики от религии.

Помните, когда в самом начале, выступая с лекциями «Сути времени», я вдруг заговорил о тьме над бездной, она же — предвечная тьма, то начался дикий вой псевдоправославных, упрекавших меня

МЕТАФИЗИЧЕСКАЯ ВОЙНА

Франческо Боттиччини. Вознесение девы Марии. XV в.

в том, что я искажаю Книгу Бытия. Я даже не стал тогда развернуто отвечать и объяснять, что они наезжают не на меня, а на самых выдающихся библеистов, подробно обсуждавших, что такое бездна, то есть «тэхом».

Теперь я пишу об этом в книге «Судьба гуманизма в XXI столетии», потому что те, кому я адресую эту книгу, за прошедшие годы сохранили любопытство, но добавили к нему определенную образованность.

То же самое с метафизикой. Перед революцией 1917 года в Российской империи шла полемика между позитивистами и метафизиками. В чем была суть полемики?

В том, что позитивисты считали, что реален только трехмерный мир, в котором мы живем.

А метафизики считали, что этот трехмерный мир — как комната с форточкой, ведущей в четвертое измерение. И что эту форточку можно открыть, в нее можно заглянуть. Метафизики могли по-разному понимать, что за форточкой. Они не обязательно должны были быть классически религиозными людьми, но они знали, что есть форточка.

Обычно говорится, что все так называемые белые были метафизиками, а все так называемые красные были позитивистами. Это категорически не так. Начав лекции «Суть времени» с разговора о красной метафизике и сразу же получив в ответ разного рода возмущения, я даже изумился, потому что мне было совершенно ясно, что нельзя отдать метафизику белым и черным. Это политически ошибочно. Но это и исторически лживо, потому что красная метафизика была внутри советского проекта и в 20-е годы, когда она чуть ли не преобладала в живописи, поэзии, прозе, музыке, и впоследствии. Это же очевидно. Так как же это можно отдать? И разве непонятно, что воют по поводу метафизичности «Сути времени» именно потому, что хотят растоптать именно красную метафизику, боятся не красного вообще, а красной метафизики, причем боятся до колик? Что, Петров-Водкин — это не красная ме-

тафизика в живописи? Но ведь не он один представляет собой красную метафизику, ее представителей много. И всю эту красную метафизику надо собирать, представлять на выставках и концертах, иначе нельзя говорить о полноценном советском наследии. А уж красном — тем более. (Рис. 11–12)

Александр Блок — и не он один — это красная метафизика в поэзии. Маяковский — это тоже красная метафизика. А Твардовский — разве не метафизика?

Это касается всех видов искусства, более того, это касается всех видов науки, всех видов религии. Если открытие форточки является целью искусства, то это искусство — метафизично, а если оно хочет разместить человека в доме без форточки, то оно носит позитивистский характер.

То же самое с наукой и, представьте себе, с религией. Одно дело — обрядовые и ритуалистика, а другое дело — открытие форточек.

XX

Придя к власти, большевики занялись массой практических вопросов. Их предыдущий опыт, традиции революционной антирелигиозности и антицерковности, колоссальная занятость конкретной политикой и конкретным переустройством жизни, а также преодолением элементарной разрухи — всё это препятствовало развитию метафизического начала в том накаленном марксистском веровании, которое было взято на вооружение большевистскими революционерами и которое после взятия власти следовало превратить в мировоззренческий фундамент новой государственности и нового общественно-политического строя.

Да, в марксизме был неявный, но достаточный метафизический заряд, который мог быть при желании востребован.

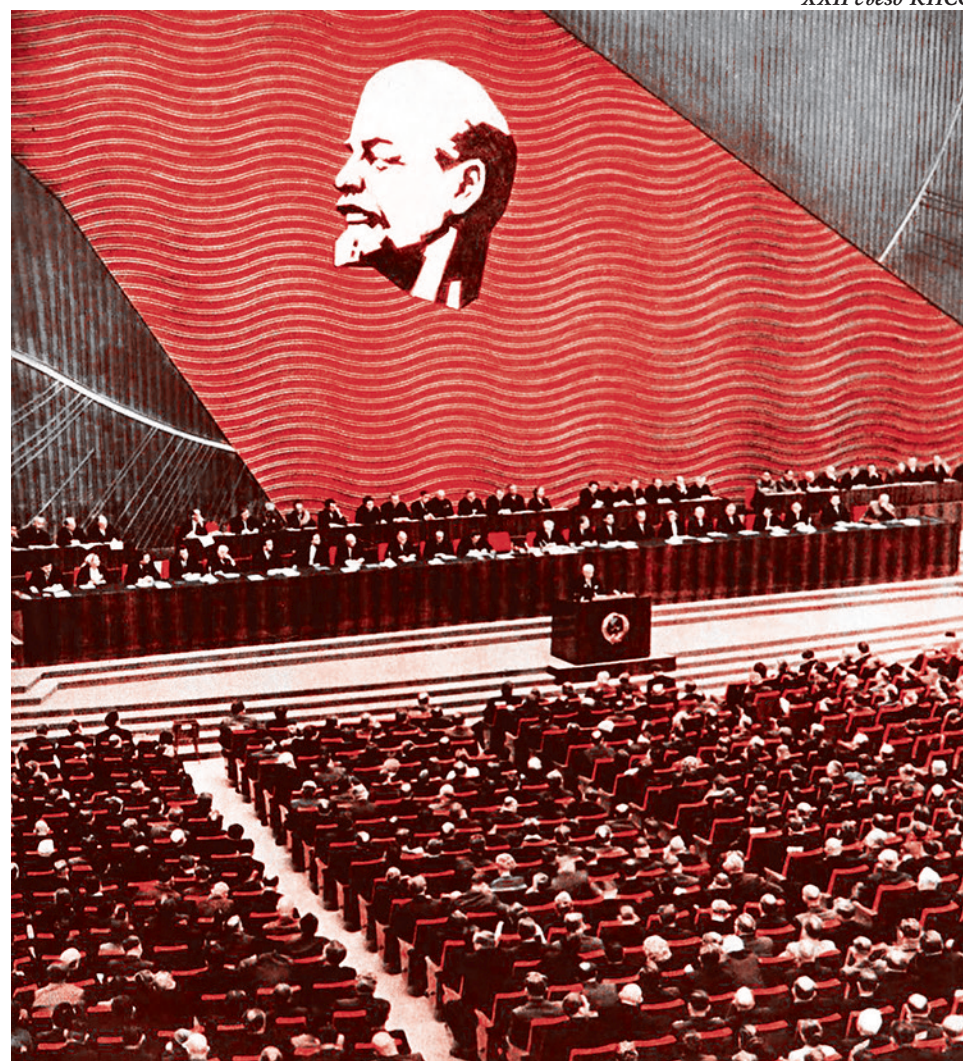
Да, Ленин, что-то чувствуя, на свой манер боля и волоча на себе страшный воз практических дел, нащупывал метафизический потенциал новой идеологии, пытаясь использовать для этого близкую к марксизму философию Гегеля, которая, в отличие от марксизма, детально прорабатывала высшие смыслы, связанные с государственностью.

Да, можно было добавить к тому марксизму, который освоили большевики, метафизику того же богостроительства, идеи русских революционных смыслоискателей — таких, как русский космист Николай Федоров или русский создатель теории систем Александр Богданов.

Да, были интересные богостроительские наработки у Максима Горького и Анатолия Луначарского.

Но ввести всё это сразу в марксистскую большевистскую доктрину, занимаясь при этом практической деятельностью, опираясь на почти безграмотные массы и среднеграмотный большевистский низовой актив, было фактически невозможно. Да никто и не рассматривал это как первоочередную задачу.

XXXII съезд КПСС

Продолжение на стр. 12

МЕТАФИЗИЧЕСКАЯ ВОЙНА

Продолжение. Начало — на стр. 1–11

Но если в самом марксистском веровании никто после прихода к власти большевиков не развивал красную метафизику активно и преследуя цели, которые можно назвать собственно властными, то в чуть более широком круге общественно важных смыслов красная метафизика развивалась достаточно бурно и при прямом содействии победивших большевиков. Она развивалась всё тем же Богдановым при поддержке Луначарского, да и не только его, в Пролеткульте. И никакая критика со стороны Ленина не тормозила этого развития. Она развивалась в культуре. Мы уже обсуждали красную метафизическую живопись, красную метафизическую литературу (поэзию и прозу). Можно обсудить красное метафизическое кино или театр, хореографию или скульптуру, красную метафизическую архитектуру и многое другое. Одним словом, в 20-е, да и 30-е годы XX века большевики, не развивая метафизически свой базовый мироустроительный культ, он же — марксизм, позволяли — по-разному в 20-е и 30-е годы, но позволяли — метафизически развиваться периферии этого культа, она же — культура. А это имело решающее значение с точки зрения обеспечения определенной нагретости общества, которое в его большевистском советском варианте могло или творить чудеса в нагретом состоянии или разлагаться в остывшем состоянии.

Великая Отечественная война и борьба с послевоенной разрухой позволяли обеспечивать относительную нагретость общества без активного дополнительного задействования какого-либо метафизического горячего.

Проблема губительного остывания общества в слабой степени осознавалась в конце сталинского периода, когда суровость и аскетизм сдерживали то разложен-

Рис. 11. Кузьма Петров-Водкин. «Богородица Умиление злых сердец»

чество, которое рождает любое остывание мощного нагретого хоть светского, хоть любого другого культа.

Хрущев занялся десталинизацией и так называемым возвратом к ленинизму. Это позволило на какое-то время даже дополнительно согреть красный культ, он же — советский марксизм-ленинизм, хотя и чудовищно, фактически непоправимо травмировало красное общественное сознание.

А вот дальше произошло самое страшное. Именно тогда, когда остывание краеугольного мировоззренческого культа, он же — Красный проект, стало совсем очевидно, почему-то — по причинам особой тупости или предательства — стали яростно заколачивать все метафизические форточки, через которые в позднесоветское бытие могла втекать спасительная для него энергия, совместимая с изначальной природой этого бытия.

Причем в большей или меньшей степени поощрялось втекание в бытие всех других метафизических энергий, кроме красной. То есть фактически красная метафизика и напрямую задавливалась, и косвенно вытеснялась.

В результате так называемая брежневская эпоха стала, по сути своей, эпохой накопления той деструктивности, которая обернулась крахом СССР и коммунистического проекта. Эту эпоху иногда называют эпохой застоя. Впрочем, застойной эту эпоху назвали тогда, когда она уже кончилась и наступила горбачевская «перестройка». Помню, как при мне одна пожилая женщина-колхозница, всхлипывая, говорила после просмотра какой-то перестроечной передачи: «Мы работали-работали, работали-работали, теперь оказывается, что это какой-то застой». При Брежневе эпоху, названную потом застоем, именовали развитым социализмом. Это новое название нужно было для того, чтобы смягчить фактическое признание нереализованности обещаний XXII съезда КПСС, на котором было сказано, что «нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме».

XXII съезд КПСС проходил с 17 по 31 октября 1961 года в Москве, в Кремлевском Дворце съездов. На съезде была принята Третья программа КПСС. Утвержденный съездом текст программы завершала знаменитая фраза: «Партия торжественно провозглашает: нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме!» Выступавший на съезде Никита Сергеевич Хрущев заявил, что коммунизм будет построен в СССР к 1980 году.

31 октября, в последний день XXII съезда, с докладом по проекту Третьей программы КПСС выступил Первый секре-

Рис. 12. Кузьма Петров-Водкин. «На линии огня»

МЕТАФИЗИЧЕСКАЯ ВОЙНА

тарь ЦК КПСС, председатель Совета министров СССР Никита Сергеевич Хрущев. Он не просто сделал от лица партии клятвенное заявление о построении коммунизма еще при жизни нынешнего поколения советских людей. Он озвучил программные тезисы, наполняющие это обещание конкретным содержанием и задающие конкретные сроки построения коммунизма. Конкретно было сказано:

«В ближайшее десятилетие (1961–1970 годы) Советский Союз, создавая материально-техническую базу коммунизма, превзойдет по производству продукции на душу населения наиболее мощную и богатую страну капитализма — США; значительно поднимется материальное благосостояние и культурно-технический уровень трудящихся, всем будет обеспечен материальный достаток; все колхозы и совхозы превратятся в высокопроизводительные и высокодоходные хозяйства; в основном будут удовлетворены потребности советских людей в благоустроенных жилищах; исчезнет тяжелый физический труд; СССР станет страной самого короткого рабочего дня.»

В итоге второго десятилетия (1971–1980 годы) будет создана материально-техническая база коммунизма, обеспечивающая изобилие материальных и культурных благ для всего населения; советское общество вплотную подойдет к осуществлению принципа распределения по потребностям, произойдет постепенный переход к единой общенародной собственности. Таким образом, в СССР будет в основном построено коммунистическое общество. Полностью построение коммунистического общества завершится в последующий период.»

Итак, не Хрущевым лично, а этой самой КПСС на ее съезде было сказано, что к 1980 году в СССР будет в основном построено коммунистическое общество. Одновременно с этим заявлением было принято решение о выносе тела Сталина из Мавзолея и о последовательной десталинизации, включая переименование городов (в том числе и Сталинграда), снос памятников Сталину и так далее.

Среди голосовавших за построение коммунизма были члены Политбюро. Брежнев, Косыгин и все остальные голосовали за то, что коммунизм будет построен к 1980 году. При этом никто не удосужился сказать, что такое коммунизм, то есть что именно будет построено в основных чертах.

Затем, осудив культ личности Сталина, осудили еще и культ личности Хрущева. Хрущева сняли 14 октября 1964 года.

21 декабря 1966 года в газете «Правда» была опубликована статья Федора Михайловича Бурлацкого (рис. 13). Для собравшихся в этом зале фамилия Бурлацкий уже почти ничего не значит, но для меня эта фамилия олицетворяет собой номенклатурное двурушничество. Потому что Федор Бурлацкий уже в 50-е годы работал в международном отделе журнала «Коммунист», который был высшим номенклатурно-коммунистическим изданием советской эпохи. В 1958 году Бурлацкий стал одним из соавторов учебника марксизма-ленинизма, написанного под руководством учителя Юрия Владимировича Андропова — Отто Вильгельмовича Куусинена. С 1960 года Бурлацкий работал в отделе ЦК КПСС по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран. Руководителем этого отдела с 1957 по 1967 год был Юрий Владимирович Андропов (рис. 14).

Бурлацкий в этом отделе руководил группой консультантов. Он являлся одним из авторов хрущевского «Морального кодекса строителя коммунизма». Он же выдвинул концепцию «развитого социализма».

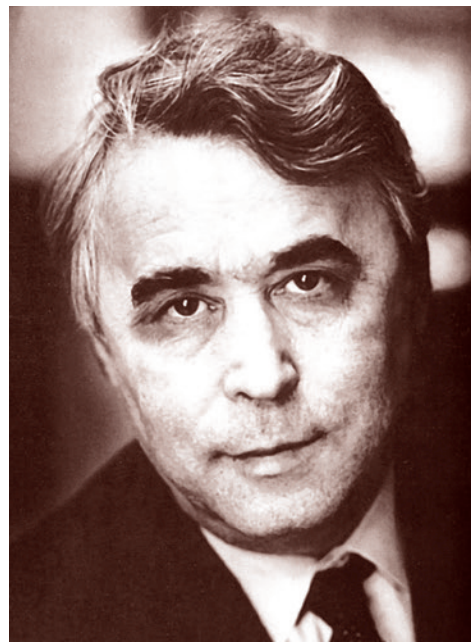

Рис. 13. Бурлацкий Федор Михайлович (1927–2014)

Он успел побывать в застойные годы заведующим кафедрой марксистско-ленинской философии в Институте общественных наук при ЦК КПСС. То есть Бурлацкий — это наимахровейший номенклатурный советский интеллектуал, который при Горбачеве начал свирепо разрушать всё то, в сооружении чего активно участвовал в предшествующий период. В итоге он стал профессором Колумбийского, Гарвардского и Оксфордского университетов. Успел воспеть не только Горбачева, но и Ельцина, и Путина. И в 2014 году упокоился на Троекуровском кладбище.

Миф о гонениях на Бурлацкого в эпоху застоя анекдотичен. Заведующий кафедрой марксистско-ленинской философии в ключевом институте КПСС — это гонения? При этом все понимали, что главным покровителем Бурлацкого является Андропов, что Бурлацкий перекочевал из ЦК КПСС, где руководителем был Андропов, в консультационные группы КГБ СССР, которые Андропов возглавил,

Рис. 14. Андропов Юрий Владимирович (1914–1984)

уйдя с поста заведующего тем отделом ЦК, в котором работал Бурлацкий. Вот какие люди разрушали Советский Союз. Вот еще одна крохотная деталь в позорной истории этого разрушения, осуществленного самой же номенклатурой, самой же элитой и так далее. Вот что теперь приходится покупать.

Но вернемся к развитому социализму, который неожиданно, с помощью мошеннического приема, тихой сапой оказался помещен на место обещанного советским людям всё той же партией коммунизма.

О нем впервые заговорил в газете «Правда» Бурлацкий 21 декабря 1966 года. Еще раз хочу подчеркнуть, что выступить с таким заходом в главной партийной газете можно было только по высочайшему поручению, будучи сверхдоверенным лицом, плотью от плоти системы.

В 1967 году на торжественном заседании по случаю 50-летия годовщины Великой Октябрьской социалистической революции Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев выступил с речью, в кото-

Хрущев идет выступать на XXII съезде КПСС

рой сказал, что в СССР уже построено развитое социалистическое общество. Затем об этом же было сказано в решениях XXIV съезда КПСС, состоявшегося ранней весной 1971 года. Было заявлено о повышении эффективности общественного производства и т. п. Никто официально не снял цели построения социализма, хотя все понимали, что партия фактически осуществляет шулерский прием, проводя ревизию своих же решений. Если при Хрущеве было ясно сказано хотя бы о том, что и в какие сроки надо построить, то в эпоху развитого коммунизма было сказано, в чем мы живем и что совершенствуем. Но ничего не было сказано о том, что строим. Целевой характер был отменен. Мы не стремимся к какой-то цели, мы живем сами и даем жить другим.

Сказанное мной не значит, что в эпоху развитого социализма не было крупных достижений. Их было очень много: мы достигли ядерного паритета, повысили уровень жизни. Одно перечисление реальных завоеваний развитого социализма могло бы занять и пять, и десять минут.

Но, окончательно разорвав с проектными целями, этот самый развитый социализм стал накопителем самой разнообразной деструкции. Энергия открепилась от целей, которые даже не были аннулированы, ибо решение XXII съезда КПСС о построении коммунизма к 1980 году никто не отменил. Эти решения были не отменены, а похода выкинуты на политическую помойку. Про них просто забыли, что абсолютно недопустимо в случае, если речь идет о решающих, доведенных до широчайших масс через телевидение, радио и печать, всячески прославляемых решениях высшего партийного органа. Который, по тогдашней Конституции, является еще и фактическим высшим органом государственной власти.

Но чем же столь недопустимым образом подменили эти решения? А ничем! Развитой социализм мы уже как бы построили. Теперь мы его будем бесконечно долго совершенствовать. А коммунизм, который неизвестно что собой означает, будем помнить время от времени, желательного нечасто и без какой-либо стратегической конкретизации. А о своем решении — общем, а не хрущевском — построить коммунизм именно к 1980 году — просто забываем.

И с равнодушием слушали, как над этим глумятся, распевая песню Юлия Ки-ма «Разговор циников и скептиков»:

— Ну как у нас по линии генлинии?
— Всё то же направление — в лоб!
— Ну как у нас по части спецчастей?
— Всё то же управление — стоп!
— А как же вы тогда живете-можете?
А что же вы тогда жуете-гложете?
— А вашими ж молитвами,
Все так же, как всегда ж:
Тише едешь — дальше будешь,
Не обманешь — не продашь!
Было пятьдесят шесть,
Стало шестьдесят пять,
Во, и боле — ничего!
Как умели драть шерсть,
Так и будем шерсть драть,
Цифры переставились, только и всего!

— А как у нас по курсу искусства?
— Рады стараться, Боже ЦК храни!
— На что же вы стараетесь-равняйтесь?
— Только на «Правду», кроме нее ни-ни!
— А чем же вы тогда живете-дышите?
А что же вы тогда поете-пишете?
— А вашими ж молитвами,
Все так же, как всегда ж:
Тише едешь — дальше будешь,
Не обманешь — не продашь!

Продолжение на стр. 14

МЕТАФИЗИЧЕСКАЯ ВОЙНА

Продолжение. Начало — на стр. 1–13

— А как у нас по линии марксизма?
— Ленин — гений, Сталин — покамест нет!
— А как у нас по части коммунизма?
— До него осталось пятнадцать лет!
— А ну как если к сроку не построишь,
То чем же вы народ-то успокоите?
— А вашими молитвами
Все так же, как всегда ж:
Тише едешь — дальше будешь,
Не обманешь — не продашь!
Было пятьдесят шесть,
Стало шестьдесят пять,
Во, и боле — ничего!
Как умели драть шерсть,
Так и будем шерсть драть,
Цифры переставились, только и всего!

Эти песни распевали не только отпетые враги СССР и коммунизма. Их пели под гитару, собираясь на вечеринки, их пели у походных костров, на песенных слетах, их слушали, специально собираясь для этого и, собравшись, включали магнитофоны.

И что на это надо было ответить тем, кому не нравилась эта песня, которую распевали, конечно же, не на заводах и фабриках? Там просто слезывали и матерились. Но, не желая преувеличивать аудиторию, которая с удовольствием слушала подобные песни, должен констатировать, что их с удовольствием слушали во всех городах страны, где существовали неформальные интеллигентские, да и не только интеллигентские тусовки. А они существовали отнюдь не только в Москве, Ленинграде и Новосибирске. Хотя, как известно, достаточно столичных массовых недовольств для того, чтобы запустить деструктивный процесс. Ну так его и запустили!

Но дело даже не в том, кто и что запустил. А в том, что любой исторический проект (такой, как советский Красный проект) существует, пока есть цель.

Дело в том, что к этой цели — к ней и только к ней — образно говоря, прикреплены огромные энергии.

Дело в том, что когда цель исчезает и тем более ее убирают по-воровски, тихой сапой, эти энергии открепляются, но не исчезают. Закон сохранения энергии действует неумолимо, и это касается, конечно же, и энергии общественной, социальной. А значит, эти сгустки энергии начинают прикрепляться к каким-то новым целевым векторам, целевым стержням, центрам целеполагания.

В самом деле, коммунизм перестает быть внятной целью, а внятная цель нужна. И что же? По большому счету, с этого момента целью становится капитализм. Помимо прочего, пока коммунизм не построили, но собираемся построить, нельзя сопоставлять капитализм и переходный период к чему-то, именуемому коммунизмом. Притом, что именно таким переходным периодом является любой социализм, в том числе и развитой. Потому что можно сказать: «Подождите, когда построим коммунизм, тогда и сравним его как наше блестящее достижение с вашим убогим капитализмом. А до тех пор подождем со сравнениями, потому что нельзя сравнивать нечто строящееся с чем-то, что уже построено».

Но если ты перестаешь говорить о строительстве чего-то, то есть о проекте, имеющем, как всякий проект, характер задания, строящегося по определенному плану и сдаваемого к определенному сроку, — то надо переходить от проектного модуса бытия (он же — бытие как реализуемая утопия) к так называемой органике (живем себе и живем, понемножку жизнь улучшаем, радуемся ей, как говорил герой Чехова, женимся, старимся, говорим свою чепуху, несем на кладбище своих покойников).

Перейти из проективного модуса бытия (как там у Евтушенко? «И кулаком прораб

Рис. 15. Долорес Ибаррури. 1942 г.

грозил кому-то: «А все-таки мы выстроим Коммуну!»... Понимаете? Именно **выстроим**) к органическому бытию по принципу «живем себе ни шатко ни валко» всегда очень непросто. А в России, которая всегда тяготится этим «ни шатко ни валко», и особенно — в СССР, где очень сильно запали на возможность проективного утопического бытия, это особенно непросто. И уж как минимум это не происходит самой, по умолчанию, тихой сапой. Нужно было быть тупицами или мерзавцами, чтобы вообще осуществить такой переход, да еще и вдобавок осуществить его тихой сапой без честного разговора с обществом.

Период развитого социалистического мухлежа с неявной отменой коммунистических ориентиров продолжался и после 1980 года, то есть года, когда был обещан коммунизм. Он продолжался тем самым в условиях, когда нельзя было не сказать: «Вы нам наврали про коммунизм в 1980 году, и боитесь это признать».

XXI

Чем-то надо было компенсировать такое фиаско. Его компенсировали разными способами. С одной стороны, предложив некий вариант советского потребительства, советского мещанства, советской сытости. С другой стороны, апеллируя к советской гордости вообще и в первую очередь — к великой победе над фашизмом в 1945 году.

Именно при Брежневе, при этом самом развитом социализме родилась соответствующая песенная культура и соответствующая культура праздников. Мне скажут, что и сейчас есть некий ренессанс «победолюбия», которое наши враги называют «победобесием». Но сейчас это «победолюбие» является органической реакцией побежденного, проигравшего народа, стремящегося за что-то зацепиться. Формально всё очень напоминает годы развитого социализма с их победительным официозом и одновременной расслабленностью. Но по существу речь, конечно, идет о другом.

Нет великой сверхдержавы с колоссальной подконтрольной периферией, потеряны базовые территории, нет ценностей, за которые воевали тогда, нет тогдашнего

братства народов. Но есть стремление за всё это как-то зацепиться, потому что не зацепишься — упадешь в пропасть полного бессмыслия. Так что куда именно двинется сегодняшнее победолюбие — еще неизвестно. А тогдашнее «победолюбие», гораздо более официальное и безлюбое, но одновременно гораздо более оправданное величием страны, двигалось туда же, куда и все остальные сферы позднесоветской жизни. Оно двигалось в сторону полного закупоривания всех советских красных метафизических форточек. Оно двигалось в сторону «деметафизации» жизни, «деметафизации» идеологии, «деметафизации» уклада. А значит, и в сторону расторжения сущностной связи народа с этим укладом.

Это сопровождалось лихорадочными попытками разных слоев общества зацепиться за любую метафизичность. Здесь я вспомню исламскую, индуистскую, да хоть бы и сатанинскую, лишь бы метафизичность. Одни цеплялись за несовместимые с красными советскими смыслами виды метафизичности, другие превращали потребительство в метафизику, третьи — просто впадали в безэнергичность, ступор, отупление, культ алкоголя и робкого примитивного разврата, превратившегося в эпоху перестройки в нечто очень буйное и совсем уж скотоподобное. Но не было бы такого превращения, если бы не застойная «деметафизация» всей провозглашаемой и утверждаемой как бы советской жизни.

XXII

Сегодня многое воспринимается с позиций контркультуры и является попыткой хоть как-то зацепиться за советские смыслы. В силу этого я не имею никакого желания огульно отрицать, например, официальную позднесоветскую песенную классику. Но чуткое ухо не могло не уловить разницы между великой песней «Священная война» и песней «День Победы».

В празднование Победы начали вкрадываться сусальность, сентиментальность, помпезность, неискренность, деметафизичность, антимобилизационность и специфическая пацифистская нота. В ядерную эпоху нельзя призывать к прямой

лобовой милитаристской направленности культуры. Но были и песни Высоцкого с их мечтой о бое и борьбе, с их противопоставлением людей сражающихся — «книжным детям, не знавшим битв», изнывающим от мелких своих катастроф. Для Высоцкого даже книжным этим детям «кружит голову запах борьбы», даже они, «не знавшие войн, За воинственный клич принимавшие вой», пытаются постичь

Тайну слова «приказ», положение границ, Смысл атаки и лязг боевых колесниц.

Одно дело — официальный призыв благодарить за то, что дали возможность жить мирно, наслаждаясь покоем, размеренностью, нарастающей сытостью, домашним уютом, хорошо бы еще сопровождаемым выездами за границу и большим избытком шмоток. А другое дело — надрыв Высоцкого с призывами «*постараться ладони у мертвых разжать и оружие принять из натруженных рук*». С его альтернативным успокоению пафосом: «Испытай, кто ты — трус или избранник судьбы, И попробуй на вкус настоящей борьбы».

Высоцкий призвал прорубать путь отцовским мечом и испытывать в жарком бою, что почем. Поколение слушало, восхищалось, сжимало кулаки и с комком в горле спрашивало: «Куда мы этот путь прорубаем, и кто нам предлагает — трампа-ра-рам — его прорубать? Нас призывают к успокоению, а про подвиг говорят настолько дежурно и неискренне, что нас тошнит от каждого их фальшивого слова. Тем более что сами они представляют собой нечто диаметрально противоположное подвигу и борьбе».

Так деметафизичность, усиливаясь внутри позднесоветского бытия, еще сохраняя некое успокоенное величие, становилась раковой опухолью, обрекавшей советское общество и советское государство на скорый неминуемый крах. Эту опухоль не лечили, ей помогали обрести летальный характер. Ну так она его и обрела!

А что такое деметафизация постсоветского бытия? Это по определению демонтаж моста, соединяющего это, здешнее, бытие с тем берегом. Одновременно с разрушением СССР и советского общественно-политического устройства этот мост разрушили почти полностью.

И то, что сейчас чуткие люди могут уловить в этом зале, — это тончайшая ниточка, связывающая берег с тем, что я называю красным следом.

Я с прискорбием, а не с пафосом утверждаю, что весь этот след, если под ним подразумевать наличие мало-мальски сплоченной, живой и дееспособной структуры, уместается в этом зале. Ощутите трагичность этого обстоятельства, меру катастрофизма бытия и меру своей ответственности.

XXIII

Нам скажут, что кроме этого следа есть огромное диффузное поле, состоящее из наших соотечественников, которые сегодня в разной степени и на разный манер поддерживают советское. Что именно наличие этого поля в существенной степени определило результаты голосований на передачах «Суд времени» и «Исторический процесс», а значит, и возможность формирования «Сути времени», чье особое значение я обосновываю в данном докладе. Так почему же красный след не смог вобрать в себя в том или ином своем варианте всю совокупность размытых, недоопределенных просоветских настроений?

Перед тем как начать обсуждать эту тему, я бы попросил собравшихся на минуту сосредоточиться и вызвать на экран своего внутреннего зрения тот или иной

МЕТАФИЗИЧЕСКАЯ ВОЙНА

образ, неважно какой, но обязательно свой, в котором найдется место:

- и огромному берегу, почти что отторгаемому, по сути, под аккомпанемент нынешнего победолюбия, которое нельзя не приветствовать, но которое во многом носит такой же характер, который оно носило в застойные времена;
- и этому самому красному следу в его микроскопичности, сочетающейся и со стойкостью, и с упорным трудным восхождением.

Я долго и настойчиво говорил о том, что для того, чтобы нужным образом обдумалось будущее, необходимо пережить произошедший крах, отказавшись от соблазнительных ссылок на то, что этот крах соорудили «они». Нужно понять, насколько сокрушительен не только этот самый крах с его потерей территории и прочими «прелестями».

Нужно еще и понять, а поскольку понять — это значит пережить, то нужно еще и понимающе пережить все последствия этого краха. При том, что эти последствия намного страшнее самого краха.

Нужно всё это понимающе пережить и не сломаться, не побоявшись при этом пережить всё это по-настоящему.

А еще нужно увидеть рядом с собой миллионы и миллионы из числа тех, кто мог бы укрепить красный след, кто чувствовал унижительность состоявшегося краха и, увя, причислен ныне к лику усопших.

Это известные по статистике миллионы ушедших из жизни тем или иным способом. В их числе и те, кто погиб в Донбассе за последние годы. Но в их числе и те, кто погибли в Приднестровье, в чеченских войнах, те, кто, отказавшись от отвратительной для них социальной и экзистенциальной капитуляции и не зная дороги к чему-то праведному, крупному и не капитулянтскому, не планктонно-прозябательному, ушли в суицид, в так называемый квазисуицидальный экстрим, в криминал, в виртуальные миры, которые дарят те или иные наркотики, в психушки, в алкоголизм и мало ли еще куда.

На языке социальной науки такие люди называются активом. Тойнби называл

их нарративом. Я много раз говорил о том, что такое нарратив, в том числе на школах, и снова говорить об этом не буду. Тем более что между словом «нарратив» и словами «стратегический актив» нет почти никакой разницы. Есть еще одно слово. К сожалению, это слово — «пассионарии» — слишком прочно связано с определенной далеко не безусловной теорией. Но на самом деле пассионарии подлиннее имеют мало отношения к пассионариям выдуманым. Пример подлинного пассионария — великая испанская революционерка Долорес Ибаррури (рис. 15). Испанцы называли ее Пассионарией тогда, когда не было еще никакой теории Гумилева, про которую испанцы и сейчас ничего не знают.

Пассионария значит «страстная». Иногда это же имя, которое народ Испании дал своей красной героине, истолковывается как «цветок страстоцвет» (рис. 16). Этому цветку было посвящено стихотворение Генриха Гейне, которого идиоты порой называют даже сатанистом, выводя сатанизм Маркса из дружбы с Гейне. Вот что Гейне написал про страстоцвет:

*Тут в головах заметил я цветок;
Загадочный — лиловый с золотистым,
Он странен был, но каждый лепесток
Проникнут был очарованьем чистым.*

*В ту ночь, когда лилася кровь Христа
(В народе есть предание об этом), —
Впервые он расцвел в тени креста
И потому зовется страстоцветом,*

*Как будто бы в застенке палача,
На нем видны орудья мук Христовых:
Все, от креста, веревок и бича,
До молота — с венцом из игл терновых.*

Итак, пассионарии — это люди, откуда-то черпающие страсть, готовые на подвиги, стремящиеся к настоящей благой борьбе, не способные жить в условиях мешанского уюта и дефицита смыслов.

Этот зов, эта неуспокоенность, эта страстность может оказаться направленной в разные стороны. Этот драгоценный для любого народа ресурс может оказаться истрачен попусту, слит, использован в качестве смертельного разрушительного

яда. Он может оказаться и просто разрушительным для личности, превратившись в суицидальность или безумие. Но как бы ни были варианты использования данной страстности или страстоцветия тем или иным человеком, коллективное страстоцветение — это актив, двигатель, а в условиях краха — единственно возможный источник спасения через восхождение, для которого используется эта самая страсть.

Те, кто враждебно относятся к такому ресурсу, понимают его значимость и одновременно боятся его. Уже в 2000-е годы лицо, тогда еще сохранявшее очень высокий чиновный статус, рассуждало о том, что в горячих точках надо сжечь «всю русскую пассионарную сволочь». Сейчас об этом члене команды Ходорковского уже забыли, но дело не в конкретном человеке, а в ситуации. Пассионарный ресурс (я всё время буду трактовать пассионарность не по Гумилеву, а иначе, в варианте Ибаррури и страстоцвета) никогда не бывает слишком велик. Но он должен быть тем больше, чем катастрофичнее ситуация.

XXIV

Люди, стоящие на социобиологических позициях, которые я никоим образом не разделяю, вообще считают, что создание даже самых первобытных социумов выдвинуло на высшую ступень иерархии иной материал, нежели тот, который выдвигается эволюцией в отсутствие социальной филтрации. И поэтому так называемые спасатели с наидревнейших времен оказались в обществах чуть ли не изгоями. Они вдруг выходили на ключевые позиции в моменты катастроф и покидали эти позиции, как только преодолевались катастрофы и вновь, как считают сторонники социобиологического подхода, социальные фильтры начинали выводить на верхние этажи общества некий эволюционный шлак.

Такая экзотическая — вновь подчеркну, мною не разделяемая — биосоциальная концепция все-таки оригинальнее той концепции Гумилева, в которую автор не верил (знаю не понаслышке).

Другая концепция всё той же негумилевской пассионарности носит существ-

венно метафизический характер. Ее сторонники убеждены, что в очень мрачные, предапокалипсические времена происходит своего рода «сгущение» той или иной метафизической субстанции — идейной, идеальной, ее можно назвать по-разному. Такое сгущение рождает диалог между теми, кто открыт к контакту со сгустившейся идеальностью и самой этой идеальностью. Нечто подобное неоднократно описывал Блок в своих стихах про Незнакомку. Нелучший советский поэт Рождественский говорил, обращаясь к парням, наделенным, по его мнению, этой самой чувствительностью: «Вам история назначила — каждому — по свиданию на этом углу».

Французский поэт XIX века Беранже описывал, причем далеко не на уровне пустопорожней образности, свои диалоги с гонимой идеей, которая на всех буржуа наводит страх.

По поводу обсуждаемого нами феномена выдающийся французский писатель конца XIX — начала XX века Анри Барбюс, родившийся во Франции 17 мая 1873 года и умерший в СССР 30 августа 1935 года, член Французской коммунистической партии с 1923 года и иностранный почетный член Академии наук СССР с 1933 года, сказал в одной из своих речей следующее:

*«Над драмами и комедиями жизни,
над вереницей человеческих образов,
над хором голосов и чредой проходящих мгновений
стоит великая драма идей,
порождающая все прочие драмы...»*

Эта великая драма идей, по мнению писателя, порождает идейную и нравственную борьбу огромной силы. Барбюс говорил по этому поводу:

*«Это такая сверхчеловеческая, неистовая,
яростная схватка, что перед ней
тускнеет привычная картина жизни:
всё вовлекается в эту борьбу,
всё ей подчиняется, всё приносится в жертву. <...>*

*В эту бурную эпоху идеи обладают
неотразимой силой, которая превращает их
в реальность; они светятся,
как огненные буквы, которые появились
в разгар библейского иудейства на древней
стене. Но те знаки Вальтасара были
страшны потому, что они были загадочны.
Эти — неотразимы потому, что мы знаем их смысл. <...>*

*Нравственная и социальная правда
взывает к нам так красноречиво, что кажется,
она зовет каждого из нас по имени!»*

А вот что по сходному поводу говорит в одном из своих стихотворений Александр Блок:

*Я ухо приложил к земле.
Я муки криком не нарушу.
Ты слишком хриплым стоном душу
Бессмертную томишь во мгле!
Эй, встань и загорись и жги!
Эй, подними свой верный молот,
Чтоб молнией живой расколот
Был мрак, где не видать ни зги!
Ты роешься, подземный крот!
Я слышу трудный, хриплый голос...
Не медли. Помни: слабый колос
Под их секирой упадет...
Как зерна, злую землю рой
И выходи на свет. И ведай:
За их случайную победой
Роится сумрак гробовой.
Лелей, пои, таи ту новь,
Пройдет весна — над этой новью,
Вспоенная твоею кровью,
Созреет новая любовь.*

Кто только ни говорил об этом кроте истории, то есть о том, как история соткала для себя некий живой и жизненный образ, образ не умственный и даже не эстетический, а метафизический — сущностный!

Рис. 16. Страстоцвет

МЕТАФИЗИЧЕСКАЯ ВОЙНА

Окончание. Начало — на стр. 1–15

О кроте истории говорили великие средневековые схоласты — Фома Аквинский и Альберт Великий. О нем говорит Шекспир в «Гамлете». Этим образом грезил Маркс. Мы только что еще раз убедились в том, насколько важен был этот образ для Блока. Но для всей когорты революционеров-большевиков образ этого самого крота имел колоссальное значение. Еще раз подчеркну, этот образ не был обычным расхожим образом. Он был чем-то, сотканным из идеальной субстанции. Многие большевики прямо говорили о том, что они слышат, как роет крот в буквальном смысле этого слова. В пародийном виде это изображено в фильме Абуладзе «Покаяние».

Далеко не обязательно быть строго канонически религиозным человеком для того, чтобы чувствовать некие времена и некий зов. Те, кто его чувствуют с особой силой и бурно на него откликаются, — это и есть пассионарии в полном смысле данного слова.

XXV

Самое коварное состоит в том, что только часть этих людей соединяет этот, к ним направленный, зов с собственным хорошо оформленным содержанием. У большинства же такого оформленного содержания нет. Но это не значит, что содержания нет вообще. На месте такого содержания находятся какие-то плохо оформленные густки, обладающие сверхценным качеством, которое можно называть «смыслоэнергочувствительностью». Эти густки находятся на определенном этаже сознания подобной — пассионарной в моем понимании этого слова — личности.

Они находятся не на первом этаже, где расположены инстинкты.

И не на втором этаже, где расположено человеческое «я», оно же — идентичность.

И не на третьем этаже, где расположено сверх-Я или моральная критика.

Они расположены на четвертом этаже, о котором я говорил в своих передовицах «Четвертый этаж». Я обещал читателю газеты «Суть времени» завершение цикла этих статей. Только теперь могу выполнить это свое давнее обещание. Потому что в предыдущий период важнее было обсудить марксизм и коммунизм. Это и сейчас, по-видимому, важнее всего. Но и разговор о четвертом этаже тоже требует завершения. Ради подобного завершения рассмотрим несколько вариантов работы этого самого четвертого этажа.

Вариант № 1. На четвертом этаже находится то, что можно назвать хорошо сформированным многоканальным устройством, снабженным датчиками с высокой разрешающей способностью и средствами переработки принятого сигнала. Связь между четвертым этажом и другими этажами не повреждена. В этом случае на четвертом этаже будет адекватно опознан и правильным образом принят метафизический импульс. И это приведет в надлежащее мощное целенаправленное действие всё человеческое естество.

Вариант № 2. На четвертом этаже находится устройство, обладающее теми качествами, которые только что описаны при рассмотрении варианта № 1. Но связи между четвертым и находящимися под ним этажами более или менее

повреждены. Тогда обладатель подобного устройства примет импульс надлежащим образом, но не сможет на него никак отреагировать. У него в определенном отсеке коры головного мозга будет вертеться принятая информация, а всё его естество и большая часть сознания будут функционировать так, как будто бы никакая информация четвертым этажом не принята. А если и принята, то ее не надо учитывать в реальном поведении, мышлении, чувствовании.

Разумеется, второй вариант редко существует в чистом виде. Хотя интернетная субкультура очень способствует его наличию. И всё же, чаще какой-то канал между четвертым этажом и нижними этажами работает. Тогда с четвертого этажа в каком-то виде поступает вниз какой-то сигнал. Это может быть искаженный сигнал, сигнал, лишенный необходимой мощности, сигнал, доходящий не до всех нижних этажей.

То есть если имеет место чистый вариант № 2, то никакого вмешательства в реальную жизнь принятый четвертым этажом сигнал не произведет.

А если коммуникация между четвертым и нижними этажами разрушена частично, то и вмешательство четвертого этажа в нижние будет частичным. Какая-то реакция нижних этажей на сигнал, принятый четвертым этажом, возникнет, но она может быть сколь угодно неадекватной, неадекватной, искаленной и так далее.

Вариант № 3. Всё то, что расположено на четвертом этаже, разгромлено. И, соответственно, никакой смыслоэнергетический импульс, именуемый метафизическим, принят быть не может, а значит, не может быть и передан на другие этажи.

Вариант № 4. На четвертом этаже вместо высококачественного устройства, предполагающего адекватный прием, находится странное устройство, напоминающее простейший организм — амёбу, плазмид. Почему бы такому организму не быть принимающим устройством? Ведь он простейшим образом реагирует на импульсы — это простейшая реакция называется «раздражением», способность реагировать называется «раздражимостью», то, на что реагирует, называется «раздражителем».

Что значит, организм «раздражается»? Это значит, что он выдает какую-то простейшую двигательную реакцию — сжимается, расширяется, поворачивается. А всё, что реагирует на импульс, может быть приемным устройством. Вся бионика (прикладная наука о применении в технических устройствах живых организмов и их промышленных аналогов) основана именно на этом.

Итак, приемником является особый простейший организм. Но, в отличие от обычного простейшего организма, для которого ответом на раздражения является двигательная реакция, этот простейший сверхорганизм, реагируя на смыслоэнергетические импульсы, выдает простейшую реакцию под названием интерес. Его начинает тянуть в сторону источника импульса. Он хочет этот источник потрогать, к нему приблизиться, получить от него новые импульсы. Да, это простейшая раздражимость. Но это — сверхраздражимость, потому что она является реакцией на сложнейшие импульсы.

Такие реакции называются тропизмами или таксисами. Обычно говорят

о фототаксисе (реакции простейших организмов на свет), гидротаксисе (реакции организмов на влажность), хемотаксисе, электротаксисе... А мы должны говорить о смыслоэнергетическом или метафизическом таксисе.

Значит, с одной стороны, при данном варианте приема импульса приемное устройство, находящееся на четвертом этаже, реагирует на импульс, и даже может передать свою реакцию нижним этажам, если каналы не повреждены. То есть обладатель четвертого этажа может начать читать, пересматривать передачи, идти на какие-то встречи, выполнять рекомендованные действия. Да, он всё это может. Но он может именно это. То есть его реакции носят характер простейших реакций на сложнейшее. Они-то и есть смыслоэнергетические таксисы, метафизические таксисы или сверхтаксисы.

И опять же, разные типы того, что я могу назвать сверхсложными простейшими организмами, принимающими сигнал на четвертом этаже, по-разному реагируют на смыслоэнергетические импульсы с разной смысловой концентрацией. Одним сверхсложным простейшим организмом нужно побольше метафизической энергии и поменьше метафизического смысла. Другим сверхсложным простейшим организмам нужно побольше смысловой концентрации. Они без этого реагировать не начнут.

Констатируя это, я никоим образом не хочу обесценивать или даже приуменьшать подвиг тех пассионариев, которые, отреагировав на простейший смыслоэнергетический импульс, сообщающий об очевидной беде, воюют в Донбассе или воевали в Приднестровье, в Югославии, в Сербии и других горячих точках. Это люди подвига, и дай бог сидящим в зале хотя бы приблизиться к тому человеческому качеству, которое способно породить подвиг.

Если бы такие пассионарии не откликнулись на зов беды в той же Чечне хотя бы, то, возможно, России уже бы не было. Кстати, пассионарии, откликнувшиеся в 1941 году на зов беды, откликнулись тоже на простейшее и очевиднейшее. Но произошедшее в 1941 году и было простейшим и очевиднейшим — осязаемым и очевидным вторжением смертельного врага на территорию нашей Родины. Если бы враг так же вторгся на территорию нашей Родины в 1991 году, да еще бы стал бомбить города и сжигать дома, убежден, нашлись бы миллионы пассионариев, которые в ответ на это стали бы совершать настоящие подвиги.

Но враг поступил иначе. Он знал, как надо поступить для того, чтобы простейшие приемные устройства, находящиеся на четвертом этаже у русского человека, не отреагировали по принципу «пришла беда — открывай ворота». Нужны были все-таки другие устройства на четвертом этаже для того, чтобы принять более сложный сигнал метафизического бедствия и откликнуться на него тем или иным способом.

Я не хочу — еще раз подчеркну — хоть сколько-нибудь приуменьшать значение простого пассионарного ответа на метафизический вызов под названием «очевидное вторжение на нашу территорию проклятой орды — силы темной». На таком ответе держалась, держится земля русская — и будет держаться. Не будет

этого слагаемого в ответе — все остальные бессмысленны. Но это не означает, что этого слагаемого достаточно в сегодняшнем мире.

Когда я начал выступать с передачами «Суть времени», некий плазмид, находящийся на четвертом этаже и являющийся простейшим приемником, позволяющим принять сверхсложный и, по сути, метафизический импульс, выдал реакцию, которую я называю смыслоэнергетическим таксисом, метафизическим таксисом или сверхтаксисом.

Может быть, слушателям будет интересно, что существуют аэротаксисы, баротаксисы, гальванотаксисы, гелиотаксисы, гидротаксисы, гравитатоксисы, магнитотаксисы, фототаксисы, хемотаксисы. Что телотаксисом называется перемещение к источнику стимуляции. Словом, в моем обращении к тематике таксисов нет ничего пренебрежительного. Тем более что я говорю о сверхтаксисе.

Более того, именно наличие сверхтаксиса в немалом количестве молодых голов было тем русским чудом, которое враг не учел. Враг успел разгромить в мозгах молодежи очень и очень многое.

Он осуществил декulturацию этих мозгов, обеспечив отчуждение молодежи от собственной культуры.

Он осуществил десоциализацию, лишив молодежь возможности развивать навыки плотного коллективного существования.

Он испарил большие и накаленные смыслы, повредив энергетику и поселив в душах страх перед смертью. Ибо подростковая встреча со смертью не поселяет в душах крупных травм только при наличии больших накаленных общих смыслов.

Враг фактически подавил или попытался подавить эмоциональную жизнь молодежи.

Он сделал всё возможное, чтобы внушить ей, что каждый за себя.

Он попытался развратить ее секс-пропагандой, попытался вбить в головы абсолютное значение потребительских ценностей.

Он предложил молодежи трудиться только за деньги в весьма специфических фирмищах, фирмах и фирмочках.

Он сильно давит на молодежь, демонстрируя ей всеобъемлющие возможности, возникающие у тех, кто оказался наверху, и ничтожность существования тех, кто окажется внизу.

Он поселил в молодых душах страх перед разрывом связей с чудическим под названием «нормативная социальная жизнь».

Он сделал всё для того, чтобы молодежь разучилась трудиться по-настоящему.

И уж конечно, он приложил особые усилия и всё свое мастерство для того, чтобы, во-первых, не допустить наличия на четвертом этаже полноценных приемников. И, во-вторых, повредить каналы, по которым с четвертого этажа сигнал должен поступать на другие.

(Продолжение следует.)

Сергей Кургинян